

**ФРИДРИХ
ПЛАТТЕН**

**ДЖОН
РИД**

**ГЕРБЕРТ
УЭЛЛС**

ЛЕНИН

ВОЖДЬ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

**Герберт Джордж Уэллс
Фридрих Платтен
Джон Рид**

**Ленин. Вождь мировой
революции (сборник)**

Серия «Вожди Советского Союза»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5015790

Ленин. Вождь мировой революции (сборник): Алгоритм; М.: 2011

ISBN 978-5-6995-5186-6

Аннотация

С 1917 года и до нашего времени во всем мире не ослабевает интерес к личности В.И. Ленина. Несмотря на порой полярную оценку его политики, никто не отрицает, что это был государственный деятель мирового масштаба. Революционер, основатель Советского государства, председатель Совета Народных Комиссаров (правительства) РСФСР, идеолог и создатель Третьего (Коммунистического) интернационала, – Ленин вызывал пристальное внимание уже у своих современников.

В книге, представленной ныне читателям, своими впечатлениями о встречах с В.И. Лениным делятся швейцарский

социалист Ф. Платтен, приехавший вместе с Лениным в Россию в 1917 году, американский журналист Д. Рид, свидетель Октябрьской революции, и английский писатель Г. Уэллс, совершивший поездку в Россию в 1920 году. Они приводят много интересных подробностей о В.И. Ленине, оценивают его деятельность как вождя русской и мировой революции.

Содержание

Вместо предисловия	5
Возвращение Ленина из эмиграции в Россию	19
История вопроса	19
Подготовка к возвращению в Россию русских эмигрантов	28
Действия Ленина по подготовке к возвращению в Россию	40
Переезд Ленина в Россию	52
Приложение	62
Десять дней, которые потрясли мир (Октябрьская революция)	70
Россия в 1917 году. Общий фон	70
Рождение бури	92
Накануне	126
Конец ознакомительного фрагмента.	155

Герберт Уэллс, Джон Рид, Фридрих Платтен Ленин. Вождь мировой революции

Нужно быть сумасшедшим, чтобы не признать величия Ленина. Собрать в единое целостное государственное образование Россию, погрязшую в анархии, подстерегаемую со всех сторон контрреволюционерами, до смерти вымотанную — это достижение, равное которому вряд ли можно найти в истории.

*К. Каутский, немецкий
экономист, историк и публицист*

Вместо предисловия

Ленин был типически русский человек. В его характерном, выразительном лице было что-то русско-монгольское. В характере Ленина были типически русские черты и не специально интеллигенции, а русского народа: простота, цельность, грубоватость, нелюбовь к прикрасам и к риторике, практичность мысли, склонность к нигилистическому цинизму на моральной основе. По некоторым чертам своим он

напоминает тот же русский тип, который нашел себе гениальное выражение в Л. Толстом, хотя он не обладал сложностью внутренней жизни Толстого. Ленин сделан из одного куска, он монолитен. Роль Ленина есть замечательная демонстрация роли личности в исторических событиях. Ленин потому мог стать вождем революции и реализовать свой давно выработанный план, что он не был типическим русским интеллигентом. В нем черты русского интеллигента-сектанта сочетались с чертами русских людей, собиравших и строивших русское государство. Он соединял в себе черты Чернышевского, Нечаева, Ткачева, Желябова с чертами великих князей московских, Петра Великого и русских государственных деятелей деспотического типа. В этом оригинальность его физиономии. Ленин был революционер-максималист и государственный человек. Он соединял в себе предельный максимализм революционной идеи, тоталитарного революционного миросозерцания с гибкостью и оппортунизмом в средствах борьбы, в практической политике. Только такие люди успевают и побеждают. Он соединял в себе простоту, прямоту и нигилистический аскетизм с хитростью, почти с коварством. В Ленине не было ничего от революционной богемы, которой он терпеть не мог. В этом он противоположен таким людям, как Троцкий или Мартов, лидер левого крыла меньшевиков.

В своей личной жизни Ленин любил порядок и дисциплину, был хороший семьянин, любил сидеть дома и работать,

не любил бесконечных споров в кафе, к которым имела такую склонность русская радикальная интеллигенция. В нем не было ничего анархического, и он терпеть не мог анархизма, реакционный характер которого он всегда изобличал.

Он терпеть не мог революционной романтики и революционного фразерства. Будучи Председателем Совета Народных Комиссаров, вождем советской России, он постоянно изобличал эти черты в коммунистической среде.

Он громил коммунистическое чванство и коммунистическое вранье.

Он восставал против «детской болезни левизны» в коммунистической партии. В 1918 году, когда России грозил хаос и анархия, в речах своих Ленин делает нечеловеческие усилия дисциплинировать русский народ и самих коммунистов.

Он призывает к элементарным вещам, к труду, к дисциплине, к ответственности, к знанию и к учению, к положительному строительству, а не к одному разрушению, он громит революционное фразерство, обличает анархические наклонности, он совершает настоящие заклинания над бездной.

И он остановил хаотический распад России, остановил деспотическим, тираническим путем. В этом есть черта сходства с Петром.

Ленин проповедовал жестокую политику, но лично он не был жестоким человеком.

Он не любил, когда ему жаловались на жестокости Чека,

говорил, что это не его дело, что это в революции неизбежно. Но сам он, вероятно, не мог бы управлять Чека. В личной жизни у него было много благодушия. Он любил животных, любил шутить и смеяться, трогательно заботился о матери своей жены, которой часто делал подарки.

* * *

Ленин настаивал на оригинальном, национально-своеобразном характере русской революции. Он всегда говорил, что русская революция будет не такой, какой представляли ее себе доктринеры марксизма. Этим он всегда вносил корректив к марксизму. И он построил теорию и тактику русской революции и осуществил ее. Он обвинял меньшевиков в педантическом следовании марксизму и отвлеченном перенесении его принципов на русскую почву. Ленин не теоретик марксизма, как Плеханов, а теоретик революции. Все, что он писал, было лишь разработкой теории и практики революции. Он никогда не разрабатывал программы, он интересовался лишь одной темой, которая менее всего интересовала русских революционеров, темой о захвате власти, о стяжании для этого силы. Поэтому он и победил.

Ленин верил, что мир вступил в эпоху пролетарских революций. Но он был русский и делал революцию в России, стране совсем особой. Он обладал исключительной чуткостью к исторической ситуации. Он почувствовал, что его

час настал, настал благодаря войне, перешедшей в разложение старого строя. Нужно было сделать первую в мире пролетарскую революцию в крестьянской стране. И он почувствовал себя свободным от всякого марксистского доктринерства, с которым ему надоедали марксисты-меньшевики. Он провозгласил рабоче-крестьянскую революцию и рабоче-крестьянскую республику. Он решил воспользоваться крестьянством для пролетарской революции, и он успел в этом деле, столь смущавшем марксистов-доктринеров. Ленин совершил прежде всего аграрную революцию, воспользовавшись многим, что раньше утверждали социалисты-народники.

В 1917 году, т. е. через пятнадцать лет после книги «Что делать?», Ленин пишет книгу «Государство и революция» — быть может, самое интересное из всего им написанного. В этой книге Ленин начертал план организации революции и организации революционной власти, план, рассчитанный на долгое время. Замечательно не то, что он этот план начертил, замечательно то, что он его осуществил, он ясно предвидел, каким путем все пойдет. В этой книге Ленин строит теорию роли государства в переходный период от капитализма к коммунизму, который может быть более или менее длителен. Этого у самого Маркса не было, который не предвидел конкретно, как будет осуществляться коммунизм, какие формы примет диктатура пролетариата.

Из Маркса можно было сделать анархические выводы, от-

рицающие государство совсем. Ленин решительно восстает против этих анархических выводов, явно неблагоприятных для организации революционной власти, для диктатуры пролетариата. В будущем государство действительно должно отмереть за ненадобностью, но в переходной период роль государства должна еще более возрасти. Диктатура пролетариата, т. е. диктатура коммунистической партии, означает государственную власть более сильную и деспотическую, чем в буржуазных государствах. Согласно марксистской теории государство всегда было организацией классового господства, диктатурой господствующих классов над классами угнетенными и эксплуатируемыми. Государство отомрет и окончательно заменится организованным обществом после исчезновения классов. Государство существует, пока существуют классы. Но полное исчезновение классов происходит не сразу после победы революционного пролетариата.

Ленин совсем не думал, что после октябрьской революции в России окончательно осуществится коммунистическое общество. Предстоит еще подготовительный процесс и жестокая борьба. Во время этого подготовительного периода, когда общество не стало еще совершенно бесклассовым, государство с сильной централизованной властью нужно для диктатуры пролетариата над буржуазными классами, для их подавления.

Ленин говорит, что «буржуазное» государство нужно уничтожать путем революционного насилия, вновь же образо-

вавшееся «пролетарское» государство постепенно отомрет, по мере осуществления бесклассового коммунистического общества. В прошлом было подавление пролетариата буржуазией, в переходный период пролетарского государства, управляемого диктатурой, должно происходить подавление буржуазии пролетариатом. В этом периоде чиновники будут исполнять приказы рабочих.

Ленин опирается в своей книге, главным образом, на Энгельса и постоянно его цитирует. «Пока пролетариат еще нуждается в государстве, он нуждается в нем не в интересах свободы, а в интересах подавления своих противников», пишет Энгельс Бебелю в 1875 году. Тут Энгельс является явным предшественником Ленина. По Ленину, демократия совсем не нужна для пролетариата и для осуществления коммунизма. Она не есть путь к пролетарской революции. Буржуазная демократия не может эволюционировать к коммунизму, буржуазное демократическое государство должно быть уничтожено для осуществления коммунизма.

* * *

Русская коммунистическая революция в значительной степени была определена войной. Весь стиль русского и мирового коммунизма вышел из войны. Если бы не было войны, то в России революция все-таки в конце концов была бы, но, вероятно, позже, и была бы иной. Неудачная война со-

создала наиболее благоприятные условия для победы большевиков. Русские по характеру своему склонны к максимализму, и максималистический характер русской революции был очень правдоподобен. Противоположения и расколы достигли в России максимального напряжения. Но только атмосфера войны создала у нас тип победоносного большевизма, выдвинула новый тип большевика-победителя и завоевателя.

Именно война с ее навыками и методами переродила тип русской интеллигенции. Методы войны перенесены были внутрь страны. Появился новый тип милитаризованного молодого человека. В отличие от старого типа интеллигента, он гладко выбритый, подтянутый, с твердой и стремительной походкой, он имеет вид завоевателя, он не стесняется в средствах и всегда готов к насилию, он одержим волей к власти и могуществу, он пробивается в первые ряды жизни, он хочет быть не только разрушителем, но и строителем и организатором. Только с таким молодым человеком из крестьян, рабочих и полуинтеллигенции можно было сделать коммунистическую революцию. Ее нельзя было сделать с мечтателем, сострадательным и всегда готовым пострадать, типом старой интеллигенции.

Нет ничего ужаснее разлагающейся войны, разлагающейся армии и притом колоссальной, многомиллионной армии. Разложение войны и армии создает хаос и анархию. Россия поставлена была перед таким хаосом и анархией. Старая власть потеряла всякий нравственный авторитет. В нее

не верили, и во время войны авторитет ее еще более пал. В патриотизм правительства не верили и подозревали его в тайном сочувствии немцам и желании сепаратного мира.

Новое либерально-демократическое правительство, которое пришло на смену после февральского переворота, провозгласило отвлеченные гуманные принципы, отвлеченные начала права, в которых не было никакой организующей силы, не было энергии заражающей массы. Временное правительство возложило свои надежды на учредительное собрание, идее которого было доктринерски предано, оно в атмосфере разложения, хаоса и анархии хотело из благородного чувства продолжать войну до победного конца, в то время как солдаты готовы были бежать с фронта и превратить войну национальную в войну социальную.

Положение временного правительства было настолько тяжелым и безысходным, что вряд ли можно его строго судить и обвинять. Принципы демократии годны для мирной жизни, да и то не всегда, а не для революционной эпохи. В революционную эпоху побеждают люди крайних принципов, люди склонные и способные к диктатуре. Только диктатура могла остановить процесс окончательного разложения и торжества хаоса и анархии. Нужно было взбунтовавшимся массам дать лозунги, во имя которых эти массы согласились бы организовать и дисциплинироваться, нужны были заражающие символы. В этот момент большевизм, давно подготовленный Лениным, оказался единственной силой, кото-

рая, с одной стороны, могла закончить разложение старого и, с другой стороны, организовать новое. Только большевизм оказался способным овладеть положением, только он соответствовал массовым инстинктам и реальным соотношениям.

Большевизм воспользовался всем для своего торжества. Он воспользовался бессилием либерально-демократической власти, негодностью ее символики для скрепления взбунтовавшейся массы. Он воспользовался свойствами русской души, во всем противоположной секуляризированному буржуазному обществу, ее религиозностью, ее догматизмом и максимализмом, ее исканием социальной правды и царства Божьего на земле, ее способностью к жертвам и к терпеливому несению страданий, но также к проявлениям грубости и жестокости, воспользовался русским мессианизмом, всегда остающимся, хотя бы в бессознательной форме, русской верой в особые пути России.

Он соответствовал отсутствию в русском народе римских понятий о собственности и буржуазных добродетелях, соответствовал русскому коллективизму, имевшему религиозные корни. Он воспользовался крушением патриархального быта в народе и разложением старых религиозных верований. Он также начал насильственно насаждать сверху новую цивилизацию, как это в свое время делал Петр. Он отрицал свободы человека, которые и раньше неизвестны были народу, которые были привилегией лишь верхних культурных

слов общества и за которые народ совсем и не собирался бороться. Он провозгласил обязательность целостного, тоталитарного мирозерцания, господствующего вероучения, что соответствовало навыкам и потребностям русского народа в вере и символах, управляющих жизнью. Русская душа не склонна к скептицизму и ей менее всего соответствует скептический либерализм. Народная душа легче всего могла перейти от целостной веры к другой целостной вере, к другой ортодоксии, охватывающей всю жизнь.

* * *

Россия перешла от старого средневековья, минуя пути новой истории, с их секуляризацией, дифференциацией разных областей культуры, с их либерализмом и индивидуализмом, с торжеством буржуазии и капиталистического хозяйства. Пало старое священное русское царство и образовалось новое, тоже священное царство, обратная теократия. Произошло удивительное превращение. Марксизм, столь не русского происхождения и не русского характера, приобретает русский стиль, стиль восточный, почти приближающийся к славянофильству. Даже старая славянофильская мечта о перенесении столицы из Петербурга в Москву, в Кремль, осуществлена красным коммунизмом. И русский коммунизм вновь провозглашает старую идею славянофилов и Достоевского – «ex Oriente lux». Из Москвы, из Кремля исходит свет,

который должен просветить буржуазную тьму Запада.

В своих грандиозных, всегда планетарных планах коммунизм воспользовался русской склонностью к прожектерству и фантазерству, которые раньше не могли себя реализовать, теперь же получили возможность практического применения. Ленин хотел победить русскую лень, выработанную барством и крепостным правом, победить Обломова и Рудина, лишних людей. И это положительное дело по-видимому ему удалось...

Вместо Третьего Рима в России удалось осуществить Третий Интернационал, и на Третий Интернационал перешли многие черты Третьего Рима. Третий Интернационал есть тоже священное царство и оно тоже основано на ортодоксальной вере. На Западе очень плохо понимают, что Третий Интернационал есть не Интернационал, а русская национальная идея. Это есть трансформация русского мессианизма.

Западные коммунисты, примыкающие к Третьему Интернационалу, играют унижительную роль. Они не понимают, что присоединяясь к Третьему Интернационалу, они присоединяются к русскому народу и осуществляют его мессианское призвание. Я слышал, как на французском коммунистическом собрании один французский коммунист говорил: «Маркс сказал, что у рабочих нет отечества, это было верно, но сейчас уже не верно, они имеют отечество – это Россия, это Москва, и рабочие должны защищать свое отечество».

Это совершенно верно и должно было бы быть всеми сознано.

Произошло то, чего Маркс и западные марксисты не могли предвидеть, произошло как бы отождествление двух мессианизмов, мессианизма русского народа и мессианизма пролетариата. Русский рабоче-крестьянский народ есть пролетариат, и весь мировой пролетариат, от французов до китайцев, делается русским народом, единственным в мире народом.

Это мессианское сознание, рабочее и пролетарское, сопровождается почти славянофильским отношением к Западу. Запад почти отождествляется с буржуазией и капитализмом. Национализация русского коммунизма, о которой все свидетельствуют, имеет своим источником тот факт, что коммунизм осуществляется лишь в одной стране, в России, и коммунистическое царство окружено буржуазными, капиталистическими государствами. Коммунистическая революция в одной стране неизбежно ведет к национализму и националистической международной политике. Мы, например, видим, что советское правительство гораздо более сейчас интересуется связями с французским правительством, чем связями с французскими коммунистами.

Только Троцкий остается интернационалистом, продолжает утверждать, что коммунизм в одной стране не осуществим, и требует мировой революции. Поэтому он и был извергнут, оказался ненужным, не соответствующим кон-

структивному национальному периоду коммунистической революции.

В советской России сейчас говорят о социалистическом отечестве и его хотят защищать, во имя его готовы жертвовать жизнью. Но социалистическое отечество есть все та же Россия и в России, может быть впервые, возникает народный патриотизм. Поражение советской России было бы и поражением коммунизма, поражением мировой идеи, которую возвещает русский народ.

Н.А. Бердяев (из работы «истoki и смысл русского коммунизма»)

Возвращение Ленина из эмиграции в Россию

Фридрих Платтен

– Не является ли Ленин немецким провокатором?

– Нет, Ленин человек неподкупный. Это фанатик, но необыкновенно честный, внушающий к себе всеобщее уважение.

– В таком случае он еще более опасен.

*Из книги «Россия накануне революции»
Мориса Палеолога – французского
посла в России в 1914—1917 гг.*

История вопроса

Всем исследователям современности, всем будущим историкам российской революции, всем биографам Ленина придется остановиться специально на вопросе о том, при каких условиях совершился переезд Ленина в Россию, и также вообще на вопросе, какое значение для судеб русской революции имело возвращение русских эмигрантов. Вокруг приезда Ленина уже сложились целые легенды. Деятельность Ленина и вернувшихся с ним товарищей была столь колоссаль-

на по своим последствиям, она имела столь огромное историческое значение, что не покажется излишней попытка дать по возможности полное и основанное на документальных данных описание того, каким образом Ленину удалось в апреле 1917 года переехать через Германию в Россию.

О возвращении Ленина в Россию в 1917 году через враждебную ей Германию в свое время были опубликованы краткие сообщения товарищами Крупской, Радеком, Гильбо и мною. Я поэтому задавал себе вопрос, имеет ли смысл и представляется ли вообще необходимым опубликовать более обширную работу по истории переезда в Россию русских эмигрантов, живших в Швейцарии, в частности о переезде товарища Ленина. Я решился на это из следующих соображений.

Ни одна из вышеупомянутых статей не давала полной картины событий. Это были лишь моментальные снимки, вырванные из общей связи. За исключением книги Гильбо, ни одна из них не была основана на документах того времени. Однако решающим для меня было данное мною в 1919 году Ленину обещание опубликовать в ближайшем будущем в печати по возможности полное и документальное описание переезда. Он, Ленин, мотивировал это указанием на то, что я, в качестве уполномоченного группы эмигрантов, переезжавших с первой партией, больше других посвящен во все детали дела и что свидетельство западноевропейского товарища, особенно в таком деликатном деле, будет иметь цену.

В попытках Ленина как можно скорее и возможно кратчайшим путем пробраться в Россию, чтобы там исполнить свой долг революционера и вождя партии, можно отметить три момента, которые, надеюсь, мне удастся осветить, несмотря на то, что я лично принимал активное участие только в третьей фазе. О первой попытке Ленина проложить себе дорогу в Россию вместе с небольшой группой единомышленников сообщил мне он сам в 1919—1920 годах. Этот эпизод был в 1917 году окутан какой-то тайной. В русских эмигрантских кругах Цюриха ходили различные слухи, однако точных сведений по этому поводу никто не мог дать.

Мы вряд ли ошибемся, если будем считать, что Парвус играл в этом деле вполне определенную роль и оказывал в качестве эксперта по русским делам известное влияние на немецкое правительство и высшее военное командование в смысле благоприятного разрешения вопроса о пропуске русских революционеров в Россию через Германию.

В меньшевистских эмигрантских кругах в Швейцарии делались лихорадочные усилия разузнать, какие средства пускал в ход агент Парвус для того, чтобы добиться скорейшего возвращения в Россию Ленина и Зиновьева. Только немногие посвященные знали о нем. Как только разразилась революция и в среде русских эмигрантов, проживавших в Швейцарии, встал вопрос о возвращении на родину, какой-то субъект с темной репутацией, в качестве компаньона Парвуса, обратился под фальшивым именем к одной цюрих-

ской даме, которая, по его сведениям, была близка к одному большевику, и предложил ей добиться разрешения для нескольких видных революционеров вернуться в Россию через Германию. Товарищ В., знакомый этой госпожи Д., вступил в переговоры, о которых он давал знать Ленину.

Ленин, страстно стремясь как можно скорее попасть в Россию, даже посоветовал назначить вторичное свидание. Во время этого свидания доверенное лицо этого Парвуса осмелилось предложить нужные средства для поездки. Обстоятельство это убедило Ленина, что посредник по этому делу – агент немецкого правительства, и он тотчас резко оборвал все дальнейшие переговоры.

Мое участие в поездке Ленина началось после того, как были прекращены упомянутые переговоры. Я не имел никакого представления о них и выше приведенное сообщение делаю на основании разъяснения Ленина, данного мне в связи со статьей Гардена, появившейся в журнале «Будущее». Разъяснение это было сделано в 1920 году.

Дело произошло следующим образом. Поздней осенью 1919 года, освободившись из румынской тюрьмы, я прибыл в Москву. По дороге в Москву из Каменец-Подольска, тогдашней петлюровской столицы, у меня началось кровохарканье, продолжавшееся несколько дней, и я был вынужден прибегнуть к врачебной помощи. Во время моей болезни товарищ Ленин, которому я, да будет мне позволено здесь указать, глубоко обязан за его всегда теплое участие при всех

постигавших меня в Финляндии, Румынии и Литве ударах судьбы, проявил и на этот раз свое внимание, прислав мне злободневную немецкую литературу.

Среди присланных журналов я случайно нашел в «Будущем» сенсационную статью Гардена «Людендорф и путешествие Ленина». Приведенные в статье обстоятельства чрезвычайно меня заинтересовали. На меня все эти «разоблачения» производили впечатление какой-то мистификации, и я воспользовался первым своим выходом после выздоровления, чтобы посетить Ленина в его кабинете. В разговоре я, между прочим, коснулся и статьи Гардена, прося Ленина сказать, что он о ней думает.

Ленин тотчас же и очень охотно сделал это. Он снял со статьи все ее сенсационные прикрасы и представил события так, как они происходили на самом деле. При этом он определенно подчеркнул, что я могу воспользоваться его сообщениями, если опубликую когда-нибудь свои воспоминания о совместной с ним поездке через Германию, что он со своей стороны, по его словам, очень приветствовал бы.

* * *

В свое время поездка Ленина вызвала большие толки. Ленин сделался мишенью клеветнических нападок не только со стороны буржуазной прессы – его преследовали своими яростными и подлыми подозрениями все небольшевист-

ские рабочие партии. Невероятно гнусные обвинения распространялись на его счет. Ленин и Зиновьев изображались как немецкие агенты. Наиболее глупые из этих клеветников уверяли, что оба они оплачиваются немецкими деньгами. Клевета тоже является своего рода оружием, правда грязным. Ленин должен был в Петрограде вести настоящую газетную кампанию против подобных нападок. В настоящее время ни один человек уже не верит больше подобной бессмыслице. Но вопрос о том, почему Германия так предупредительно согласилась разрешить Ленину проезд через свою территорию, гарантировав ему даже экстерриториальность, — до сих пор мелькает у многих в уме. Эти люди до сих пор не хотят понять, что все это могло произойти без того, чтобы между Людендорфом и Лениным состоялось какое-нибудь определенное соглашение. Рассмотрим, каково было положение дел в 1917 году.

Когда в России разразилась Февральская революция, все правительства и генеральные штабы всех воюющих держав стали гадать, кому суждено вписать в актив своего баланса это колоссальное историческое событие. Всем известна роль, которую в этот период играл английский посланник Бьюкенен. Однако надежды этого господина не оправдались. Вместо ожидавшегося подъема боевого и усиления военной мощи русской армии наступило прогрессирующее ослабление боеспособности русской армии.

Антанта прилагала все старания к тому, чтоб направить

революцию в желаемое русло и влить новые силы в сражающуюся русскую армию. Руководители Антанты отправили в Россию Плеханова с соратниками, пытаясь в то же время всеми мерами воспрепятствовать приезду интернационалистов. Все средства были пущены в ход для того чтобы сохранить Россию в качестве военного фактора. Милюковы и Гучковы имели еще меньше охоты, чем господа в Париже и Лондоне, подпустить к себе на близкое расстояние своих классовых врагов ленинского масштаба, ведь прибытие последних не могло предвещать ничего хорошего собственным политическим вожделям первых. Поэтому нужно признать несомненным, что возвращение Ленина и близких ему людей через страны Антанты было делом невыполнимым. Ленин, по-видимому, никогда не разделял фантастических надежд Семковского, секретаря тогдашнего эмигрантского комитета, будто можно все-таки добиться согласия Милюкова на поездку через враждебную Германию.

Французская печать намеренно распространяла легенду о том, что поездка Ленина через Германию могла состояться только вследствие определенного тайного соглашения. Однако она не могла привести ни одного доказательства в пользу этого гнусного уверения.

Мотивы, победившие немецкое правительство и верховное командование разрешить русским эмигрантам в Швейцарии проезд через Германию, в настоящий момент совершенно очевидны. Когда одна враждебная сторона имеет ос-

нование помешать чему-либо, то противоположная сторона, совершенно естественно, имеет все основания желать как раз того, чему противник стремиться воспрепятствовать.

Проявленная немцами готовность разрешить эту проблему не должна, однако, рассматриваться только как ловкий шахматный ход против врага. Она была обоснована также политическими и военными соображениями.

5 апреля 1917 года Америка объявила войну Германии. Опубликованные мемуары Людендорфа, Чернина и Гинденбурга дают нам ясную картину тогдашнего положения Германии. Правительства Центральной Европы, и прежде всего Людендорф, рассчитывали найти в лице русских циммервальдиетов людей, которые готовы им помогать в осуществлении их целей. В «Мемуарах» Людендорфа нет ни слова о путешествии Ленина. Тем не менее книга эта, равно как и книга, принадлежащая перу бывшего австрийского премьер-министра Чернина, дает исчерпывающие сведения относительно мотивов, побудивших Германию предоставить этим, революционерам право проезда через Германию с гарантией экстерриториальности.

Была надежда посредством деятельности интернационалистов в России добиться разгрузки Восточного фронта. Надежались даже добиться сепаратного мира.

Гинденбургу всякое средство представлялось хорошим, лишь бы оно дало возможность перебросить армию с Восточного фронта. Еще весной 1917 года Людендорф осно-

вывал свою уверенность в победе только на одном козыре: переброска 70 дивизий с Восточного фронта на Западный должна была дать ему возможность нанести последний, решающий удар, повести «генеральный штурм на Париж» прежде, чем Америке удастся навсегда сделать невозможным прорыв Западного фронта.

Как бы правилен ни был этот расчет с военной точки зрения, он как политический шаг оказался совершенно ошибочным. Людендорф сам признает, что с течением времени военные успехи были аннулированы разрушительным влиянием большевистской пропаганды.

Подготовка к возвращению в Россию русских эмигрантов

Вернемся, однако, к официальной стороне истории поездки Ленина. Часто приходится слышать ошибочное мнение, будто ходатайствовал о разрешении на проезд через Германию и получил его сам Ленин или его доверенное лицо – Платтен.

Между тем, поездка Ленина была результатом стараний всех проживавших в Швейцарии русских эмигрантов, за исключением социал-патриотов. Я привожу здесь полностью документ того времени для того, чтобы подтвердить высказанные соображения и доказать, что Ленин совершенно не вел никаких переговоров с германскими властями по основному вопросу, – дает ли германское правительство или нет согласие на проезд. Документ категорически говорит, что разрешение было исходатайствовано Робертом Гриммом от имени образовавшегося комитета эмигрантов по возвращению в Россию. В тот момент, когда автор этой статьи выступил в качестве доверенного лица Ленина по делу поездки, вопрос шел уже только об урегулировании чисто технических деталей. Своевременный разрыв Ленина с Робертом Гриммом снимает с большевиков всякую ответственность за все позднейшие действия Гримма.

«Извлечение из протокола заседания правления Швей-

царской социал-демократической партии 30 апреля 1917 г.

На заседании правления – в составе: Клетти (председатель), Платтена (секретарь), Фендриха (секретарь), Пфлюгера, Робман и Фогеля – было доложено о ходатайстве комитета русских эмигрантов по возвращению в Россию. На заседании присутствовали – в качестве представителей Центрального комитета по возвращению на родину проживающих в Швейцарии русских политических эмигрантов – товарищи Семковский и Мартынов.

От имени этого ЦК председатель комитета Семковский доложил следующее:

1. В ЦК входят представители:

а) организаций русских эмигрантов в Женеве, Лозанне, Берне, Цюрихе, Базеле, Кларане, Шо-де-Фоне, Давосе и в других местах;

б) правлений всех организаций помощи русским политическим заключенным и ссыльным;

в) заграничных центральных органов различных русских политических партий: Организационного комитета Российской социал-демократической рабочей партии (меньшевистская фракция); Центрального Комитета Российской социал-демократической рабочей партии (фракция большевиков); представители партии социалистов-революционеров; группы интернационалистов, представленной в Циммервальде Бобровым (Натансоном); Бунда, фракции «Наше слово» (направление Троцкого – Рязанова); фракции «Впе-

ред» (направление Луначарского); Польской социалистической партии (Левины, представленной в Циммервальде Лапинским); польской социал-демократии (оба течения); латышских социал-демократов; еврейских социалистов-территориалистов; поалейционистов; анархистов-коммунистов.

Не входят в упомянутый ЦК только социал-патриоты, которые образовали отдельную организацию.

ЦК объединяет 560 эмигрантов, социал-патриотическая отдельная организация насчитывает 160 эмигрантов. (Эти цифры даны официально обеими организациями.) ЦК представляет, таким образом, значительное большинство русских эмигрантов в Швейцарии и охватывает все партийные направления, стоящие на почве Циммервальда. Возвращение русских эмигрантов из Швейцарии в Россию представляется делом крайне неотложным. Оно имеет огромное историческое значение, так как среди 500 эмигрантов находятся самые выдающиеся идейные вожди всех революционных российских партий, ведущих борьбу за мир и за восстановление пролетарского Интернационала. Прошло почти два месяца с момента объявления амнистии, а до сих пор путь для возвращения в Россию остается закрытым для эмигрантов. До сих пор через Францию и Англию могли, за малым исключением, пробраться в Россию только шовинистические антантовские социалисты, как Плеханов и 40 его единомышленников. Чтобы обеспечить безопасность переезда, им были предоставлены правительствами Антанты в качестве

транспортных средств крейсера и миноноски. Однако для огромного большинства эмигрантов подобное путешествие было бы невозможным, даже если бы им были предложены для переезда такие же транспортные средства. Главнейшим препятствием для интернационалистов-циммервальдистов служит то, что все они без исключения фигурируют в специальных, так называемых черных, списках, ведущихся антантовскими правительствами. Случай с социал-патриотом, депутатом 2-й Думы Зурабовым ярко свидетельствует о том, с какими трудностями пришлось бы встретиться интернационалистам. Даже если бы они совсем не вступили на французскую или английскую территорию (Зурабов ехал из Копенгагена прямо на Петроград, но русская граница находилась под английским военным контролем), все-таки возможность въезда в Россию не была бы обеспечена.

После случая с Троцким со стороны интернационалистов было бы попросту бессмыслицей пытаться ехать через Францию и Англию или вообще возлагать на это какие-либо надежды. Следует еще упомянуть, что наши товарищи Карпович и Браун вынуждены были при поездке из Англии – в отличие от Плеханова – воспользоваться частным, не нейтральным коммерческим судном и без сопровождения военного корабля. Пароход был пущен ко дну. Вообще интернационалисты, занесенные в черные списки, не могли до сих пор покинуть Англию. Официальное обещание пересмотреть списки отнюдь не служит гарантией того, что это дей-

ствительно будет сделано в ближайшем будущем.

Ввиду такого положения ЦК 5 апреля 1917 года отправил следующую телеграмму Совету рабочих депутатов в Петрограде, министру юстиции Керенскому и комитету Веры Фигнер (эта телеграмма была подписана также представителем социал-патриотов):

«ЦК по возвращению на родину русских политических эмигрантов, проживающих в Швейцарии, представляющий всю политическую эмиграцию без различия партий и направлений, обращает ваше внимание на тот факт, что огромному большинству эмигрантской массы, находящейся в Англии и Франции, и ни одному из проживающих в Швейцарии эмигрантов до сих пор не удалось поехать в Россию. Все это указывает на то, что возвращение политических эмигрантов через Англию и Францию встречает непреодолимые препятствия. Проходят месяцы – и политическая амнистия превращается для нас в фикцию. При таких условиях единственный, по нашему убеждению, реальный путь – это заключение соглашения между Россией и Германией по образцу практиковавшегося уже во время войны обмена интернированными гражданами. Согласно этому русским эмигрантам, при условии освобождения известного количества интернированных в России немцев, должна быть предоставлена возможность переезда в Скандинавию через Германию. Мы настоятельно просим вас немедленно предпринять шаги в этом направлении. Не давайте делу затянуться из-за фор-

мальных обещаний. Если вам удастся провести это предложение, то политическая эмиграция и в дальнейшем будет фактически лишена возможности действовать в России в самый важный период революции. Все еще отрезанные от товарищей в России, ждем скорейшего ответа.

Исполнительный комитет: Кэте Адлер, Андроников, Багоцкий, Балабанова Болотин, Иоффе, Феликс Кон, Мандельберг – депутат 2-й Думы, проф. Рейхесберг, Семковский, Ульянов (Ленин), Устинов, Фраткин».

Одновременно это предложение было передано по телеграфу представителям партий за подписью Аксельрода, Абрамовича, Астрова, Луначарского, Мартова, Мартынова, Натансона, Рязанова, Семковского и Устинова.

После того как из Петрограда долгое время не было ответа (очевидно, русское правительство задерживало телеграммы в адрес Совета рабочих депутатов), ЦК решился обратиться к товарищу Гримму с просьбой поехать, по поручению ЦК, в Петроград и сделать устный доклад Совету рабочих депутатов, министру юстиции Керенскому и комитету Веры Фигнер по вопросу об обмене эмигрантов на интернированных пленных. Однако товарищу Гримму до сих пор не удалось попасть в Петроград. Одновременно с этим Центральный комитет и отдельные партийные группы предпринимали ряд дальнейших попыток в том же направлении. 19 апреля заграничный секретариат Организационного комитета Российской социал-демократической рабочей партии (меньше-

виков) получил известие, что можно непосредственно сноситься с Советом рабочих депутатов. Тотчас же Организационный комитет РСДРП послал следующую телеграмму:

«Положение наше стало невыносимым. В то время как Плеханову, Кашину и другим лицам, служащим делу империализма и поддерживающим либералов против социалистов, предоставляется возможность поездки в Россию, – нам в ней отказывают. Протестуем против этого. Мы твердо решили не терпеть дальше такого неравенства и добиться применения амнистии ко всем. Две недели тому назад мы сделали вашему товарищу председателя – Керенскому определенное предложение. Если он не хочет провести в жизнь наш проект обмена эмигрантов на немецких интернированных граждан, – что представляется единственно возможным разрешением нашего вопроса, – то мы считаем себя вправе искать других путей для того, чтобы пробраться в Россию, занять место в ваших рядах и принять участие в борьбе за дело международного социализма. Мы говорим от имени сотен эмигрантов, старых борцов, и требуем от вас опубликования в печати этой телеграммы. Прошу телеграфного ответа.

За заграничный секретариат Организационного комитета РСДРП – Мартов».

21 апреля ЦК по возвращению русских политических эмигрантов, проживающих в Швейцарии, получил следующую телеграмму из Петрограда:

«В ответ на вашу телеграмму, адресованную Чхеидзе,

Керенскому и Вере Фигнер, касательно возвращения эмигрантов через Германию, считаем проезд через Германию в обмен на немецких интернированных граждан невозможным. Мы телеграфно обратились в Лондон и Париж с просьбой пропустить всех эмигрантов без различия политических взглядов и оказать всяческое содействие, дабы дать им возможность поскорее вернуться. Милюков № 7952».

Однако одновременно с этим ЦК получил от русского эмигрантского комитета в Стокгольме следующую телеграмму:

«Прибывший 20 апреля в Стокгольм из Америки пароходом «Христиан-Фиорд» политический эмигрант сообщает, что в Галифаксе задержаны: Троцкий, Чудновский, Мельпичанский, Днепровский, Мухин и Романенко. От имени нашего комитета телеграфировали Фигнер и Совету рабочих депутатов. – Романенко».

На это ЦК послал Совету рабочих и солдатских депутатов в Петроград следующую телеграмму: «В ответ на телеграмму, посланную нами 5 апреля Чхеидзе, Керенскому и Фигнер, получили телеграмму от Милюкова, в которой он официально отклоняет наше предложение обменять русских политических эмигрантов на немецких интернированных граждан. Отклонение нашего предложения ничем не обосновано. Мотивировать отказ невозможно, так как подобного рода обмен с Германией за время настоящей войны не раз имел место. Для большого числа эмигрантов про-

езд через Англию и Францию в течение еще долгого времени будет вещью совершенно невозможной. Милюков сам, по официальному сообщению Петроградского телеграфного агентства, признал, что путешествие через Норвегию крайне затруднительно, что заставляет эмигрантов дожидаться в Англии какого-нибудь более или менее благоприятного случая для того, чтобы продолжать путь. При такой ограниченной возможности пользоваться морским путем и при наличии большого числа русских эмигрантов и военнообязанных, ждущих в Англии случая, чтобы пуститься в путь, — ясно, что проживающие в Швейцарии эмигранты сумеют добраться в Россию этим путем лишь по истечении многих месяцев. Кроме того, Милюков официально признал наличие черных списков, куда щедро вносятся те русские политические эмигранты, которые не идут навстречу желаниям империалистических правительств Франции и Англии.

Обещанию Милюкова добиться от этих правительств пересмотра черных списков эмигранты не могут придавать никакого значения, так как на основании своего горького опыта они не могут питать никакого доверия к отношению союзных правительств к русским политическим эмигрантам. Эмигранты поэтому имеют полное основание опасаться, что французские и английские власти, для вида разрешив проезд нескольким эмигрантам-интернационалистам, задержат под предлогом чисто технических затруднений громадное большинство эмигрантской массы, принадлежащее, как из-

вестно, к противникам ныне происходящей человеческой бойни...

Перед лицом революционного народа мы с негодованием протестуем против очевидного затягивания проведения в жизнь амнистии – этого завоевания революции, и заявляем о нашем твердом решении добиться возможности снова занять свое старое место в революционных рядах, дабы исполнить свой долг перед народом и революцией...»

Ссылаясь на эти документы, я, Семковский, заявляю:

«Мы, эмигранты, поставлены перед альтернативой: либо помириться с фактом, что амнистия для швейцарской эмиграции – фикция, или же, вопреки заговору либеральной контрреволюции в России, отстаивать наше священнейшее право – в решающий момент революции быть в революционных рядах и действовать в России в духе Циммервальда. Когда товарищ Ленин решил поехать через Германию, все остальные представители партийных группировок интернационалистического направления были против этой поездки, которую они считали политической ошибкой постольку, поскольку Ленин предварительно воочию не показал широкому общественному мнению, что нет абсолютно никакой возможности выбрать другой путь. Однако после того, как мы тщетно испробовали все возможные пути, мы можем теперь ехать в Россию тем же путем, уже не в качестве обвиняемых, а в качестве обвинителей. Тем более что Совет рабочих депутатов и даже часть буржуазной печати выразили свои про-

тесты против махинаций Англии по отношению к русским эмигрантам (особенно по поводу ареста Троцкого).

Пропуск через Германию не связан принципиально ни с какими политическими условиями. Нас абсолютно не касается, какие мотивы будут руководить при этом немецким империализмом, так как мы ведем и будем вести борьбу за мир, само собою разумеется, не в интересах немецкого империализма, а в духе интернационального социализма. Мы фактически находимся в положении пленных. Как нет ничего политического в том, что пленные пытаются через посредство какой-нибудь нейтральной организации, например через Красный Крест, добиться пропуска через какую-нибудь воюющую страну, точно так же лишено политического характера наше стремление получить при посредстве нейтральных швейцарских товарищей пропуск через Германию.

Условия проезда Ленина, опубликованные Платтенем в «Народном праве», содержат в себе все нужные гарантии. Без таких гарантий подобная поездка была бы недопустима с точки зрения интернациональных социалистов. Конечно, нам придется считаться с шовинистической демагогией. Но выше этих соображений должен стоять наш долг – принять участие в борьбе за революцию в качестве социалистов-интернационалистов. Надеемся, что наши швейцарские товарищи поймут наше положение-ЦК по возвращению русских политических эмигрантов, проживающих в Швейцарии.

По поручению ЦК, председатель Семковский.

Секретарь Багоцкий».

Действия Ленина по подготовке к возвращению в Россию

Еще 9 апреля (по новому стилю) 1917 г. Ленин уехал из Цюриха и 17 апреля прибыл в Петроград. Хотя к этому времени уже выяснилось, что оставшимся эмигрантам тоже не остается никакого другого пути и что, хорошо ли, плохо ли, им придется последовать примеру Ленина, – поездка последнего рассматривалась как «политическая ошибка», и это только потому, что не была доказана абсолютная невозможность добиться от миллюковского империалистического правительства согласия на поездку. Не напоминает ли эта политическая позиция меньшевиков пресловутой, ставшей крылатой, фразы о «верноподданнейшей оппозиции его величества»?

Для того чтобы иметь право выступить перед русской буржуазией не «в роли обвиняемых, а в роли обвинителей», эти «влиятельнейшие старейшие вожди Российской социал-демократической рабочей партии» сами готовы были лишиться себя в продолжение больше чем месяца «своего священного права занять место в рядах революционных борцов и тем самым выполнить свой высший долг перед народом и революцией».

По сравнению с этим героизмом высшей марки кажется смешным харакири какого-нибудь приговоренного судом к

смертной казни китайца.

Они решительно ничего не имели возразить против условий, на которых Ленин совершил свою поездку. Но они оценивали как смертный политический грех то, что он не мог сдержать себя и ждать, пока ему будет дана возможность выступить «в качестве обвинителя». Имеющееся в протоколе заявление меньшевиков о том, что они осуждают поездку Ленина, не есть просто неудачный оборот речи, а представляет собой серьезный протест. Я прихожу к такому заключению на основании сделанных мною в то время заметок, имеющих у меня еще сейчас под руками.

Когда я получил разрешение перевезти в Россию первую партию эмигрантов в 60 человек, то созданный для этой цели ленинский комитет по организации поездки известил об этом Мартова и просил сообщить число едущих с ним товарищей. Мартов поведал нам, что они (меньшевики) считают себя связанными принятым решением. Они не поедут, так как предполагают, что русское правительство предпримет меры, чтобы добиться обмена пленными.

С формальной стороны Мартов возражал, указывая на отсутствие подписи немецкого посланника на представленном Платтеном документе, содержавшем условия переезда.

* * *

Между тем, по инициативе Радека швейцарский кор-

респондент «Франкфуртер цайтунг» пытался выяснить в немецком посольстве в Берне, как отнесутся немецкие власти к возвращению русских эмигрантов через Германию. Получился ответ, что власти готовы по этому поводу вступить в переговоры. Так как дело касалось всех стоявших на почве Циммервальда эмигрантов, то по этому делу выступил Центральный комитет по возвращению на родину русских политических эмигрантов, проживающих в Швейцарии.

Так как непосредственные сношения эмигрантов с немецкими властями были признаны нежелательными, то решено было поручить ведение переговоров тов. Гримму – председателю Циммервальдского комитета.

Уже в первых числах апреля было достигнуто принципиальное соглашение. В силу занимаемой им фракционной позиции, Гримм принял во внимание желание меньшевиков отсрочить окончательное решение до получения согласия Милюкова. Ленин возмутился таким саботажем. Медлительный темп переговоров создал в Ленине убеждение, что тут кроются какие-то влияния и что можно, пожалуй, заподозрить наличие тенденций, отнюдь не отвечающих его целям. Он решил расследовать дело через свое доверенное лицо.

Однажды, в 11 часов утра, мне позвонили по телефону в секретариат партии и попросили быть в половине второго для беседы с тов. Лениным в помещении рабочего клуба Эйнтрахт. Я застал там небольшую компанию товарищей

за обедом. Ленин, Радек, Мюнценберг и я отправились для конфиденциальной беседы в комнату правления, и там тов. Ленин обратился ко мне с вопросом, согласился бы я быть их доверенным лицом в деле организации поездки и сопровождать их при проезде через Германию. После короткого размышления я ответил утвердительно. Как перед Лениным, так и передо мною возникал вопрос о политическом значении этого шага. У меня возникло сомнение, смогу ли я оказать Ленину эту партийную услугу, не отказавшись от своей должности секретаря швейцарской социал-демократической партии. Я должен был задать себе вопрос, не будет ли благодаря этой поездке моя дальнейшая партийная деятельность значительно затруднена. Я глубоко сознавал, что мой долг – оказать всяческое содействие возвращению в Россию моих политических друзей. Отбросив всякие колебания, я решил взять на себя эту роль доверенного лица. Еще в тот же день после обеда мы с трехчасовым поездом поехали в Берн, предварительно сговорившись по телефону с Гриммом, которого я просил прийти для переговоров в бернский Народный дом.

Объяснение с Гриммом было короткое и решительное. Разговаривали стоя в Народном доме в Берне. Гримм заявил, что он считает вмешательство Платтена нежелательным. Хотя Фриц и искренний революционер, однако плохой дипломат. А это, в связи с могущими возникнуть вопросами, чревато осложнениями. Это заявление еще более усилило в Ле-

нине прежнее недоверие, и мы оба заявили, что завтра я буду просить аудиенцию у Ромберга и что, в случае отказа в аудиенции, мы должны будем заключить, что имеется основание сомневаться в миссии Гримма. Роберт Гримм ничего не предпринял против задуманного нами шага, и министр Ромберг принял меня для переговоров по делу о переезде русских эмигрантов, проживающих в Швейцарии.

В комнате Ленина, в номерах при Народном доме в Берне, вопрос о поездке подвергся основательному и детальному обсуждению.

Так как не имелось в виду – да и не было основания для этого, – чтобы я выступал в роли уполномоченного по ведению переговоров наряду с Гриммом или даже вместе с ним (Гримм был выбран всем комитетом), то надлежало выяснить, в качестве чьего представителя я буду вести переговоры. Хотя в принципе немецкие власти не должны были знать имен уезжающих эмигрантов. Ленин уполномочил меня заявить, что первая партия поедет во главе с Лениным и Зиновьевым и что мне поручено вести переговоры по этому делу и сопровождать уезжающих. Мы не были осведомлены насчет того, в какой плоскости велись переговоры Гриммом. Необходимо было поэтому формулировать те условия, на которых должен был совершиться в случае разрешения наш проезд.

В результате нашего совещания я, по поручению Ленина и Зиновьева, на другой день представил министру Ромбергу следующие условия, на которых эмигранты согласны совершить переезд:

«1. Я, Фриц Платтен, руковожу за своей полной личной ответственностью переездом через Германию вагона с политическими эмигрантами и легальными лицами, желающими поехать в Россию.

2. Вагон, в котором следуют эмигранты, пользуется правом экстерриториальности.

3. Ни при въезде в Германию, ни при выезде из нее не должна происходить проверка паспортов или личностей.

4. К поездке допускаются лица совершенно независимо от их политического направления и взглядов на войну и мир.

5. Платтен приобретает для уезжающих нужные железнодорожные билеты по нормальному тарифу.

6. Поездка должна происходить по возможности безостановочно в беспересадочных поездах. Не должны иметь места ни распоряжение о выходе из вагона, ни выход из него по собственной инициативе. Не должно быть перерывов при проезде без технической необходимости.

7. Разрешение на проезд дается на основе обмена уезжающих на немецких и австрийских пленных и интернированных

ных в России. Посредник и едущие обязуются агитировать в России, особенно среди рабочих, с целью проведения этого обмена в жизнь.

8. Возможно кратчайший срок переезда от швейцарской границы до шведской, равно как технические детали должны быть немедленно согласованы.

Подпись: *Фриц Платен*.

Берн – Цюрих, 4 апреля 1917 года».

Особенные трудности вызывала редакция первого пункта. На вопрос о том, с кем я еду, нужно было ответить в описательной форме. Самое простое было бы сказать: «с русскими политическими эмигрантами». Ленин, однако, очень серьезно настаивал на поездке с нами Радека, а Радек – поляк и имел польский паспорт. Я решительно ничего не имел против его поездки, но настаивал, однако, на том, чтобы считать подписанные мною условия для себя совершенно обязательными и ни при каких обстоятельствах не допускать нарушения соглашения. Случай с Радеком был особенно щекотливым. Немцы к Радеку относились плохо, – ведь он не раз поплеывал в суп немецким, а равно и антантовским империалистам. Мы согласились на редакции: «политические эмигранты и легальные лица». В случае, если она будет принята, мы сможем взять с собою Радека, иначе – нет. Я стремился к тому, чтобы с нашей стороны строго соблюдались принятые нами условия, дабы иметь право решительно восставать про-

тив возможных покушений с другой стороны. Министр Ромберг не обратил внимания, что выражение «русские политические эмигранты» отсутствует, но выразил недоумение по поводу слова «легальные» и просил объяснения. Я ему указал, что не у всех отсутствуют паспорта, мы же хотим иметь право взять с собой и тех, кто, строго говоря, не является эмигрантом.

Ультимативный характер имел второй пункт условий соглашения. Наша коллегия прекрасно знала, что проезд, при каких бы условиях он ни совершился, произведет повсюду огромное впечатление. Можно было заранее предугадать, что сторонники Антанты инсценируют бешеную клеветническую кампанию. Поэтому тем большее внимание надо было обратить на то, чтобы избежать какого-либо контакта между немцами и проезжающими эмигрантами. Благодаря признанию за проезжающими эмигрантами права экстерриториальности, создавалась чрезвычайно прочная защита против нежелательных инцидентов и был фактически устранен нежелательный контакт с немецкими гражданами.

Пункт 6 должен рассматриваться как предупредительная мера против немцев. При выходе путешественников в Заснице они были так же внимательно пересчитаны, как в Готтмадингене число их оставалось равным 32. Только в Стокгольме партия уменьшилась, так как Радек остался здесь для того, чтобы вместе с нашим тов. Воровским и тов. Ганецким взять на себя обязанности заграничного представительства

русской большевистской партии.

Кроме вопроса о том, что мы подразумеваем под выражением «легальные лица», все выставленные условия не вызвали возражений, и на них было дано молчаливое согласие.

Господин Ромберг указал только на то, что в дипломатическом мире не принято, чтобы частные лица диктовали правительству какого-нибудь государства условия переезда через его страну. Он заметил, что подобная позиция уезжающих может затормозить разрешение на поездку.

Я возразил, что уезжающие находятся в совершенно исключительном положении и что я имею поручение сообщить господину Ромбергу, что эмигранты лишены будут возможности предпринять путешествие, если будет внесено какое-либо изменение или будет аннулирован какой-либо из пунктов. Господин Ромберг обещал телеграфировать в Берлин в благоприятном тоне. Через два дня последовало безоговорочное согласие. Хотя теперь первый пункт соглашения и узаконивал участие Радека в поездке, но впоследствии было найдено более целесообразным посоветовать Радеку сесть в наш вагон только в Шафгаузене.

Сообщая о решении Берлина, господин Ромберг известил меня о том, что в Штутгарте к нам в поезд сядет господин Янсон, представитель Генеральной комиссии немецких профессиональных союзов. Согласно данным мне полномочиям я заявил, что присутствие его в нашем вагоне несовместимо со 2-м пунктом соглашения. Господин Ромберг предложил

мне не делать принципиального вопроса из этого, так как это повлечет за собой новый запрос в Берлин и придется отменить уже отданные железнодорожному управлению распоряжения. Я смолчал. Для сведения моего мне было сообщено, что максимально могут ехать 60 человек и что в Готтмадингене стоят готовыми два пассажирских вагона II класса. Я просил изменить распоряжение, ссылаясь на то, что имеющиеся для поездки денежные средства диктуют необходимость пользоваться вагонами III класса.

К концу аудиенции господин Ромберг спросил меня, как я представляю себе начало мирных переговоров. На меня этот вопрос произвел тягостное впечатление, и я ответил, что мой мандат уполномочивает меня исключительно на регулирование чисто технических вопросов и что я на его запрос не могу дать никакого ответа. Господин Ромберг заметил, что в этом отношении господин Гримм держится совершенно определенных взглядов. Я промолчал и раскланялся. О каждом своем разговоре я всегда давал подробный отчет.

* * *

День отъезда был назначен немецкими властями на 9 апреля (нового стиля).

Началась лихорадочная работа. 7 апреля были посланы телеграммы Абрамовичу в Шо-де-Фон, различным эмигрантским секциям в Цюрихе, Лозанне, Женеве и т. д.

с предложением всем отъезжающим прибыть в Цюрих ночными и утренними поездами 9 апреля.

Со своей стороны я должен был сделать последнее распоряжение Цюрихскому потребительскому кооперативу относительно заказа съестных припасов. В виде чрезвычайной льготы нам было разрешено взять с собой продуктов на десять дней. Денег – в которых мы, как о том клеветали враги, утопали – мы совершенно не имели. В последнюю минуту мы не сумели бы выкупить съестные припасы, если бы правление швейцарской партии не открыло нам кредита на 3000 франков под поручительство Ланга и Платтена.

К 11 часам утра 9 апреля все необходимые приготовления были закончены, и цюрихское вокзальное управление было предупреждено о нашем отъезде.

Все уезжающие собрались в ресторане «Церингергоф» за общим скромным обедом. Из-за беспрестанной беготни взад и вперед и непрерывной информации, делаемой Лениным и Зиновьевым, собрание производило впечатление растревоженного муравейника.

Согласно условиям ни образ мыслей, ни партийная принадлежность не могли служить поводом для исключения кандидатов из списка желающих ехать. Страстные споры вызвали, однако, просьбы одного врача – Оскара Блюма (автора книги «Выдающиеся личности русской революции») участвовать в поездке. Его подозревали в том, что он состоял на службе в царской охране.

Ленин и Зиновьев дали ему понять, что будет лучше, если он откажется от поездки. Хотя в тот момент и не было неопровержимых доказательств и нельзя было, следовательно, с полной уверенностью утверждать, что он шпион, однако налицо был факт, что все партийные комитеты в отношении его принимали меры предосторожности. Его желание – опросить всех едущих – было удовлетворено. 14 голосами против 11 включение его в список уезжающих было отклонено. Однако, согласно информации Шараша (член партии Поалей-Цион и репортер капиталистической «Новой цюрихской газеты»), он тем не менее занял место в подготовленных для нас вагонах. «Вдруг мы увидели, – пишет Шараш, – как Ленин сам схватил этого человека, успевшего пробраться в вагон немного раньше назначенного времени, за воротник и вывел его с ни с чем не сравнимой самоуверенностью обратно на перрон». Я лично не был свидетелем этого происшествия, так как находился в то время на перроне, где со мною сцепился какой-то иступленно жестикулировавший социал-патриот, и я был близок к мысли спустить под вагон этого субъекта. Железнодорожные служащие увели и эту опору Милюкова. На перроне находилась масса народа, главным образом русских; все страстно дискутировали доводы за и против поездки; Ленин же и Зиновьев – как до, так и во время отхода поезда – совершенно бесстрастно глядели на эти бушующие волны.

Переезд Ленина в Россию

Теперь можно считать доказанным, что поездка Ленина в Россию через Германию произвела столь огромное впечатление не потому, что он – первый из эмигрантской массы вместе с ближайшими своими соратниками рискнул совершить эту поездку, а потому, что у всех было убеждение, что этот человек с огромной силой воли вмешается в события русской революции. Произведенная поездкой Ленина сенсация, вызванное ею возбуждение находились в резком противоречии с позицией, занятой той же европейской печатью по отношению ко второй партии эмигрантов, хотя при этом через Германию ехало приблизительно 500 русских эмигрантов.

Наша партия состояла из 32 человек. Большинство поехавших с нами эмигрантов завоевали себе в истории революции выдающееся место своим мужеством, энергией, дальновидностью и самоотверженностью, проявленными ими в интересах пролетариата и коммунизма. Из числа ехавших в нашей партии нашел преждевременную смерть зять Феликса Кона тов. Усиевич, погибший на чехословацком фронте. К нашему величайшему горю, смерть слишком рано вырвала из наших рядов также незабвенного тов. Ленина.

Нет никакого сомнения, что лица, участвовавшие в этой поездке, сыграли решающую роль не только в русской, но, можно без преувеличения сказать, и в мировой истории. Кто

в Западной Европе в 1917 году осмелился бы предсказать, что эти «голяки» в ободранных костюмах, все пожитки которых можно было увязать в головной платок, сделаются вождями и руководителями страны со 130-миллионным населением? В 1917 году все издевались над этой кучкой фанатиков, стремящихся «осчастливить мир и лишенных всякого чувства действительности».

* * *

Путешествие Ленина произошло следующим образом.

Согласно выраженному Лениным и Зиновьевым желанию Фриц Платтен взял на себя руководство поездкой.

9 апреля 1917 года в половине третьего группа эмигрантов направилась из ресторана «Церингергоф» к цюрихскому вокзалу, нагруженная – по русскому обычаю – подушками, одеялами и прочими пожитками. Согласно расписанию поезд отошел в 3 часа 10 минут. В Тайнгене происходил швейцарский таможенный досмотр, причем паспорта не проверялись. Ввиду того что взятые с нами съестные припасы – главным образом шоколад, сахар и пр. – превышали дозволенную властями норму, излишки были отобраны, а пострадавшим было предоставлено право переслать конфискованные съестные припасы родственникам и знакомым в Швейцарии.

На вокзале в Готтмадингене нас временно изолировали в зале III класса. Потом мы сели в plombированный пассажир-

ский вагон II—III класса. Дети и женщины заняли мягкие места, мужчины разместились в III классе.

Поездка протекала нормально, к полному удовлетворению едущих. Лишь время от времени причиняли мне хлопоты несколько товарищей – любителей пения. Часть из них не могла удержаться и пела на французском языке «Марсельезу», карманьолу и другие французские песни, не обращая внимания на сопровождавших нас двух офицеров.

Во Франкфурте разыгрался инцидент с Радеком, вызванный его «братанием с солдатами». Я, сознаюсь, виноват в том, что допустил немецких солдат войти в вагон. Три наших вагонных двери были запломбированы; четвертая, задняя, вагонная дверь открывалась свободно, так как мне и офицерам было предоставлено право выходить из вагона. Ближайшее к этой свободной двери купе было предоставлено двум сопровождавшим нас офицерам. Проведенная мелом черта на полу коридора отделяла – без нейтральной зоны – территорию, занятую немцами, с одной стороны, от русской территории – с другой. Господин фон Планид строгойше соблюдал инструкции, преподанные ему господином Шюллером, атташе немецкого посольства, передавшим в Готтмадингене нашу партию для дальнейшего следования обоим офицерам; эти инструкции требовали, чтобы экстерриториальность не была нарушена.

Предполагая, что во Франкфурте я не выйду из вагона, оба офицера покинули его. Я последовал их примеру, так как

условился встретиться на франкфуртском вокзале с одной своей знакомой. Я купил в буфете пива, газет и попросил нескольких солдат за вознаграждение отнести пиво в вагон, предложив служащему, стоявшему у контроля, пропустить солдат.

Привожу здесь эти подробности только для объяснения инцидента.

Сильнейшим образом взволновала многих ехавших следующая картина. Франкфуртские рабочие и работницы спешили сесть в вагоны дачного поезда. Мимо нашего вагона проходил длинный ряд измученных, усталых людей с потухшим взором, на их лицах не видно было ни малейшей улыбки. Это траурное шествие как молния осветило нам положение Германии и пробудило в сердцах ехавших эмигрантов надежду на то, что уже недалек тот час, когда народные массы в Германии восстанут против господствующих классов.

И действительно, в ноябре 1918 года разразилась революция в Германии, – она пришла поздно, но все-таки пришла.

* * *

Я должен напомнить еще об одном обстоятельстве, имевшем важное политическое значение. Оно показывает самым очевидным образом, какого рода отношения существовали между Генеральной комиссией немецких профессиональных союзов и немецким правительством.

Вопрос о «поездке Ленина» был решен немецким правительством и высшим военным командованием не без ведома и, нет сомнения, при поддержке Генеральной комиссии немецких профессиональных союзов.

В Штутгарте господин Янсон сел в наш поезд и просил через ротмистра фон Планица (наш проводник-офицер) разрешения переговорить со мною. Мы еще раньше лично знали друг друга. Господин Янсон заявил мне, что он по поручению Генеральной комиссии немецких профессиональных союзов приветствует едущих эмигрантов и желал бы лично переговорить с товарищами. Я был вынужден заявить ему, что едущие эмигранты желают соблюсти экстерриториальность и отказываются принять кого бы то ни было на немецкой территории. Я готов довести до сведения едущих о нашей беседе и передать ему ответ завтра утром. После этого господин Янсон удалился в свой вагон.

Мое сообщение вызвало среди едущих взрыв веселья. После краткого совещания было решено не принимать господина Янсона и не отвечать на его приветствие. Мне было предложено уклониться от назойливых попыток, и в случае их повторения было решено ограждать себя силой.

На другой день утром я поблагодарил лично от своего имени господина Янсона за приветствие, так как едущие отказались из политических соображений отвечать на таковое. Я просил его удовольствоваться состоявшейся между нами беседой. Господин Янсон удовлетворил мое желание и уда-

лился.

Само собой понятно, что я со своей стороны соблюдал необходимую сдержанность. Крайне комичными являются слухи о том, будто Ленин вел переговоры с Бетман-Гольвегом и Шейдеманом. Все эти лживые сведения распространялись с целью бросить тень на едущих.

В отличие от Франкфурта изоляция перрона и охрана вагона в Берлине носили очень строгий характер. Мне тоже не было разрешено без конвоя уходить с перрона. Немцы опасались, что мы вступим в сношения с немецкими единомышленниками.

Я хочу еще упомянуть об одной беседе с Лениным на немецкой территории, так как психологически интересно узнать, как в то время Ленин оценивал шансы большевистской партии в русской революции и каков был мой ответ – типичный ответ западноевропейского коммуниста – на поставленный Лениным вопрос. Нужно иметь в виду, что Керенский угрожал возбудить против едущих эмигрантов обвинение в государственной измене, и, по всем сведениям, надо было ожидать, что Ленин и его товарищи встретят в Петрограде наряду с большим числом стойких друзей также множество ярых и подлых врагов. Еще будучи в Швейцарии, Ленин знал, что его ожидает; еще до своего отъезда в Россию он созвал на совещание Лорио из Парижа, Гильбо из Женевы, Поля Леви, Бронского и меня для того, чтобы дать нам подписать протокол об условиях поездки и иметь в

нашем лице свидетелей.

В коридоре вагона шел горячий спор. Вдруг Ленин обратился ко мне с вопросом: «Какого вы мнения, Фриц, о нашей роли в русской революции?» – «Должен сознаться, – ответил я, – что вполне разделяю ваши взгляды на методы и цели революции, но как борцы вы представляетесь мне чем-то вроде гладиаторов Древнего Рима, бесстрашно, с гордо поднятой головой выходявших на арену навстречу смерти. Я преклоняюсь перед силой вашей веры в победу». Легкая улыбка скользнула по лицу Ленина, и в ней можно было прочесть глубокую уверенность в близкой победе.

* * *

В Заснице мы оставили немецкую территорию; перед этим было проверено число едущих, сняты пломбы с багажного вагона, и состоялась передача багажа. Пассажирский пароход «Треллеборг» доставил нас в Швецию. Море было беспокойно. Из 32 путешественников не страдали от качки только пять человек, в том числе Ленин, Зиновьев и Радек; стоя возле главной мачты, они вели горячий спор. На берегу нас встретил Ганецкий и шведская депутация.

В Швеции нам был оказан в высшей степени сердечный прием. На конференции эмигрантов с представителями шведской и норвежской социалистической молодежи нами был сделан подробный доклад о совершенном переезде и бы-

ли изложены те политические соображения, которые заставили нас ехать через Германию. Шведские товарищи одобрили поездку. Впоследствии мне стала еще более очевидной невозможность вернуться в Россию через Англию и необходимость поездки через Германию, особенно когда я по возвращении в Стокгольм узнал об аресте Троцкого и его товарищей, произведенном английскими властями. Можно смело быть уверенным, что с Лениным и его единомышленниками поступили бы еще хуже.

После десятичасового пребывания в Стокгольме мы продолжали путешествие. В Торнео, на пограничной русской станции, встреча, оказанная эмигрантам местными солдатами, отличалась исключительной теплотой. Солдаты с воодушевлением рассказывали о революционных событиях и восторженно приветствовали вернувшихся эмигрантов. Вскоре меня разлучили с моими спутниками. При прощании мне было заявлено, что в 4 часа они под военным конвоем будут отправлены в Петроград.

Я имел намерение – и того же хотели мои спутники – сопровождать товарищей до Петрограда, но этому воспрепятствовал английский контроль. «Франкфуртская газета» впоследствии сообщила, что я на пограничной станции «решил вернуться обратно», так как пограничные власти не хотели мне гарантировать безопасность в России. По этому поводу мне хотелось бы заметить, что я никогда таких требований не предъявлял ни к какому правительству; а в Торнео

со мной произошло следующее: после того как я заполнил обычный опросный лист, я подвергался самому тщательно-му телесному осмотру, что является процедурой чрезвычайно тягостной. После того как осмотр не дал никаких результатов, между мною и английским пограничным офицером произошел следующий разговор:

«Какие у вас имеются мотивы для поездки в Петроград и Москву?»

«Я еду для того, чтобы поддержать в министерстве свое ходатайство о выплате мне залога, внесенного мною в 1908 году в депозит суда в Риге, и для того, чтобы по личным делам навестить в Москве родителей своей жены».

Других мотивов политического характера я не указал, так как было ясно, что это могло бы только затруднить положение эмигрантов. Мое настойчивое требование дать мне возможность ехать в Петроград вызвало у офицера замечание: «Не советую вам ехать, так как вы ведь опять будете арестованы, как в 1907 и 1908 годах». Я ответил ему, что это обстоятельство не может помешать моему решению ехать; я получил продолжительный отпуск, и его сообщение никоим образом не может меня испугать. После того как английский офицер убедился, что по собственной инициативе я не откажусь от своего намерения и не соглашусь ехать обратно, он категорически заявил, что мне не будет дано разрешения переехать через границу без специального распоряжения из Петрограда и что он вынужден отвезти меня об-

ратно под конвоем на шведскую границу. Перед отъездом я получил возможность проститься со своими товарищами и обменяться с ними несколькими словами. Ленин предложил из солидарности и по мотивам политической целесообразности настаивать на моей поездке в Петроград и отложить дальнейшее путешествие, пока не получится разрешение на мою поездку. Ленин при этом имел в виду, что я сделаю доклад Петроградскому Совету рабочих и солдатских депутатов о переезде. Ведь можно было ожидать, что все приехавшие эмигранты будут арестованы. Однако, не желая служить препятствием для их дальнейшей поездки, я настойчиво просил оставить меня в Швеции. Я дал обещание ожидать в течение трех дней в Хапаранде и по телеграфному требованию немедленно поехать в Петроград.

Как известно, при приезде в Петроград Ленин и товарищи его не были арестованы. Наоборот, приезд Ленина был отпразднован самым торжественным образом.

После прощания меня усадили в сани, и в сопровождении конвоя я был обратно доставлен на шведскую границу.

Я пустился в обратный путь, прождавши три дня в Хапаранде; здесь я напрасно дождался разрешения на переезд через русскую границу. Я оставался также два дня в Стокгольме, чтобы в случае телеграфного разрешения из Петрограда отправиться в Россию.

Суханов описал, как Ленина встретили в Петрограде. Встреча была достойна Ленина.

Приложение

Н. Крупская. Из эмиграции в Питер

Последнюю зиму (1916—1917 гг.) мы жили в Цюрихе. Жилось невесело. Рвалась связь с Россией: не было писем, не приезжали оттуда люди. От эмигрантской колонии – очень немногочисленной, впрочем, в то время в Цюрихе – мы держались, по заведенному обычаю, немного в стороне. Только каждый день, идя из эмигрантской столовой, забежал на минутку Гриша Усиевич, милый, погибший потом на фронте, молодой товарищ. По утрам довольно регулярно приходил к нам «племянник Землячки», сошедший с ума на почве голода большевик. Он ходил до такой степени оборванный и забрызганный грязью, что его перестали пускать в швейцарские библиотеки. Он старался поймать Ильича, чтобы что-то обсудить с ним, какие-то принципиальные вопросы, и приходил до 9 часов, пока еще Ильич не ушел в библиотеку. Так как эти интервью с сумасшедшим человеком приводили обычно к тому, что потом болело «все на свете», как выражалась одна знакомая девчурка, то мы стали уходить до библиотеки погулять вдоль озера. Мы нанимали комнату в швейцарской рабочей среде. Комната была не очень целесообразная. Старый мрачный дом, постройки чуть ли не XVI столетия, окна можно было отворять только ночью, так как в доме была колбасная и со двора нестерпимо несло гнилой колба-

сой. Можно было, конечно, за те же деньги получить гораздо лучшую комнату, но мы дорожили хозяевами. Это были заправские рабочие, ненавидевшие капитализм, инстинктивно осуждавшие империалистическую войну. Квартира у нас была поистине «интернациональная»: в двух комнатах жили хозяева – по профессии столяр и сапожники, в одной – жена немецкого солдата-булочника с детьми, в другой – какой-то итальянец, в третьей – австрийские актеры, с изумительной рыжей кошкой, в четвертой – мы, россияне. Никаким шовинизмом не пахло, а однажды во время того, как мы с хозяйкой поджаривали в кухне на газовой плите каждая свой кусок мяса, хозяйка возмущенно воскликнула: «Солдатам надо обратить оружие против своих правительств!» После этого Ильич и слышать не хотел о том, чтобы менять комнату, и особо ласково раскланивался с хозяйкой.

К сожалению, швейцарские социалисты были настроены менее революционно, чем жена рабочего. В. И. попробовал одно время повести работу в интернациональном масштабе. Стали собираться в небольшом кафе на ближайшей улочке. Несколько русских и польских большевиков, швейцарские социалисты, кое-кто из немецкой и итальянской молодежи. На первое собрание пришло что-то около 40 человек. Ильич изложил свою точку зрения на войну, на необходимость осудить вождей, изменивших делу пролетариата, излагал программу действий. Иностранная публика, хотя собрались интернационалисты, была смущена решительностью Ильича.

Помню речь одного представителя швейцарской молодежи, говорившего на тему, что стену нельзя пробить лбом. Факт тот, что наши собрания стали таять, и на четвертое собрание явились только русские и поляки. Пошутили и разошлись по домам. Впрочем, к этому времени относится возникновение более тесной связи с Фрицем Платтенем и Вилли Мюнценбергом.

Помнится мне одна сцена из несколько более позднего времени. Забрели мы однажды в другую, более фешенебельную часть Цюриха и неожиданно наткнулись на Нобса, редактора цюрихской социалистической газеты, ходившего тогда в левых. Нобс, завидя Ильича, сделал вид, что хочет сесть в трамвай. Ильич все же захватил его и, крепко держа за пуговицу, стал излагать свою точку зрения на неизбежность мировой революции. Комична была фигура, не знавшего как улизнуть от неистового русского, левого оппортуниста Нобса, но фигура Ильича, судорожно сжимавшего пуговицу Нобса и стремившегося его распропагандировать, показалась мне трагической. Нет выхода колоссальной энергии, гибнет безвестно бесконечная преданность трудящимся массам, ни к чему ясное осознание совершающегося...

Почему-то вспомнился мне белый северный волк, которого мы видели с Ильичем в лондонском зоологическом саду и долго стояли перед его клеткой. «Все звери с течением времени привыкают к клетке: медведи, тигры, львы, – объяснил нам сторож. – Только белый волк с русского севера никогда

не привыкает к клетке – и день и ночь бьется о железные прутья решетки».

Разве пропагандировать Нобса не значило биться о прутья решетки...

* * *

Мы собирались уходить в библиотеку, когда пришел тов. Вронский и рассказал нам о Февральской революции. Ильич как-то растерялся. Когда Вронский ушел и мы несколько опомнились, мы пошли к озеру, где под навесом каждый день расклеивались все швейцарские газеты. Да, телеграммы говорили о революции в России.

Ильич метался. Он попросил Вронского разузнать, нельзя ли как-нибудь через контрабандиста пробраться через Германию в Россию. Скоро выяснилось, что контрабандист может довести только до Берлина. Кроме того, контрабандист был как-то связан с Парвусом, а с Парвусом, нажившимся на войне и превратившимся в социал-шовиниста, В. И. никакого дела иметь не хотел.

Надо искать другого пути. Какого? Можно перелететь на аэроплане, не беда, что могут подстрелить. Но где этот волшебный аэроплан, на котором можно донестись до делающей революцию России?

Ильич не спал ночи напролет. Раз ночью говорит: «Знаешь, я могу поехать с паспортом немого шведа». Я посмея-

лась. «Не выйдет, можно во сне проговориться. Приснятся ночью кадеты, будешь сквозь сон говорить: сволочь, сволочь. Вот и узнают, что не швед».

Во всяком случае, план ехать с паспортом немого шведа был более осуществим, чем лететь на каком-то аэроплане. Ильич написал о своем плане в Швецию Ганецкому. Но из этого, конечно, ничего не вышло.

Когда выяснилось, что при помощи швейцарских товарищей можно будет получить пропуск через Германию, Ильич сразу взял себя в руки и старался обставить дело так, чтобы ничто не носило характера самомалейшей сделки не только с германским правительством, но и с немецкими социал-шовинистами, старался все юридически оформить. Шаг был смелый не только потому, что грозила клевета, обвинение в измене отечеству, но и потому, что не было никакой уверенности, что Германия действительно пропустит, не интернирует большевиков. Потом, следом за большевиками, двинулись тем же путем и меньшевики и другие группы эмигрантов, но сделать первый шаг никто не решался.

Когда пришло из Берна письмо, что дело улажено и можно двинуться оттуда в Германию, Ильич сказал: «Поедем с первым поездом». До поезда оставалось два часа. Я усомнилась. Надо было ликвидировать «весь дом», возвратить книги в библиотеку, расплатиться с хозяйкой и т. п. «Поезжай один, я приеду завтра». – «Нет, поедем». «Дом» был ликвидирован, уложены книги, уничтожены письма, отобрано кое-ка-

кое бельишко и самые необходимые вещи. Мы уехали с первым поездом. Мы могли и не спешить, так как была Пасха и из-за этого вышла какая-то задержка с нашей отправкой.

В Бернский народный дом стали съезжаться едущие большевики: ехали мы, Зиновьевы, Усиевичи, Инесса Арманд, Харитонов, Сокольников, Миха Цхакая и другие. Ехала бундовка с прелестным кудрявым четырехлетним сынишкой, Робертом, не умеющим говорить по-русски, а только по-французски. Под видом россиянина ехал с нами Радек. Сопровождал нас Платтен.

Во всю дорогу мы ни с кем из немцев не разговаривали; около Берлина в особое купе сели немецкие с.-д., но с ними никто из наших говорить не стал... Мы смотрели в окно вагона, и нас поражало полное отсутствие мужчин: одни женщины, подростки и дети, и в городе, и в деревне. Нам давали обед в вагон – котлеты с горошком. Очевидно, желали показать, что в Германии всего в изобилии. Проехали благополучно.

* * *

В Стокгольме нас встретили речами, в зале вывесили красное знамя и устроили собрание. Как-то плохо помню Стокгольм, все мысли уже были в России. На финских вейках переехали границу. Было уже все милое, свое – плохенькие вагоны третьего класса, русские солдаты. Ужасно хоро-

шо было. Немного погодя Роберт уже очутился на руках какого-то пожилого солдата, обнял его ручонкой за шею и что-то лопотал по-французски, и ел творожную пасху, которой кормил его солдат. Наши прильнули к окнам. На перронах станций, мимо которых проезжали, стояли гурьбой солдаты. Усиевич высунулся в окно. «Да здравствует мировая революция!» – крикнул он. Недоуменно посмотрели на едущих солдаты. Мимо нас прошел несколько раз бледный поручик, и, когда мы с Ильичем перешли в соседний пустой вагон, подсел к нему и заговорил с ним. Поручик был оборонцем, Ильич защищал свою точку зрения – был тоже ужасно бледен. А в вагон мало-помалу набирались солдаты. Скоро набился полный вагон. Солдаты становились на лавки, чтобы лучше слышать и видеть того, кто так понятно говорит против грабительской войны. И с каждой минутой росло их внимание, напряженнее делались их лица.

В Белоострове нас встретили Мария Ильинична, Шляпников, Сталь и другие. Были работницы. Сталь все убеждала меня сказать им несколько приветственных слов, но у меня пропали все слова, я ничего не могла сказать. Товарищи сели с нами и стали рассказывать. Скоро мы приехали в Питер.

Питерские массы, рабочие, солдаты, матросы встречали своего вождя. Как узнали они о нем? Не знаю. Кругом народное море, стихия.

Тот, кто не пережил революции, не представляет себе ее величественной, торжественной красоты.

Красные знамена, почетный караул из кронштадтских моряков, рефлекторы Петропавловской крепости, освещающие путь от Финляндского вокзала к дому Кшесинской, – броневики, цепь из рабочих и работниц, охраняющая путь. Ильича ставят на броневик. Он что-то говорит. А кругом те, кто ближе ему всех на свете, народные массы...

Десять дней, которые потрясли мир (Октябрьская революция)

Джон Рид

Россия в 1917 году. Общий фон

В конце сентября 1917 г. в Петрограде ко мне зашел иностранный профессор социологии, находившийся в России. В деловых и интеллигентских кругах он наслышался о том, что революция пошла на убыль. Профессор написал об этом статью и отправился путешествовать по стране, посетил фабричные города и деревни, где, к его изумлению, революция явно шла на подъем. От рабочих и крестьян постоянно приходилось слышать разговоры об одном и том же: «земля крестьянам, заводы – рабочим». Если бы профессор побывал на фронте, он услышал бы, что вся армия толкует о мире.

Профессор был озадачен, хотя для этого не было оснований: оба наблюдения были совершенно правильными. Имущие классы становились все консервативнее, а массы – все радикальнее. С точки зрения деловых кругов и российской интеллигенции революция уже зашла достаточно далеко и чересчур затянулась; пора было навести порядок. Это настроение разделялось и главными «умеренно»-социалисти-

ческими группами – меньшевиками-оборонцами и социалистами-революционерами, которые поддерживали Временное правительство Керенского.

27 (14) октября официальный орган «умеренных» социалистов – «Известия ЦИК», – писал:

«...Революция состоит из двух актов: разрушения старого и создания нового строя жизни. Первый акт тянулся достаточно долго. Теперь пора приступить ко второму, и его надо провести как можно скорее, ибо один великий революционер говорил: «поспешим, друзья мои, закончить революцию: кто делает революцию слишком долго, тот не пользуется ее плодами...»

Рабочие, солдатские и крестьянские массы были, однако, твердо убеждены, что первый акт еще далеко не закончен. На фронте армейские комитеты постоянно имели столкновения с офицерами, которые никак не могли привыкнуть обращаться с солдатами, как с человеческими существами; в тылу избранные крестьянами земельные комитеты подвергались арестам за попытки провести в жизнь постановления правительства о земле; на фабриках рабочим приходилось бороться с черными списками и локаутами. Более того, – возвращающихся политических эмигрантов не пускали в страну, как «нежелательных», граждан; бывали даже случаи, когда людей, вернувшихся из-за границы в свои деревни, арестовывали и заключали в тюрьмы за революционные действия, совершенные в 1905 г.

На все многочисленные и многообразные выражения недовольства народа у «умеренных» социалистов был один ответ: «Ждите Учредительного собрания, которое будет созвано в декабре». Но массы не удовлетворялись этим. Учредительное собрание – вещь, конечно, хорошая. Но ведь было же нечто определенное, во имя чего была совершена русская революция, во имя чего легли в братские могилы на Марсовом поле революционные мученики и что должно быть осуществлено во что бы то ни стало, независимо от того, будет ли созвано Учредительное собрание или нет: мир, земля крестьянам, рабочий контроль над производством. Учредительное собрание все откладывалось и откладывалось, возможно, что его отложат еще не раз до тех пор, пока народ не успокоится в такой мере, что, быть может, умерит свои требования! Как бы то ни было, революция тянется уже восемь месяцев, а результатов что-то не видно...

Тем временем солдаты сами начинали разрешать вопрос о мире дезертирством, крестьяне жгли господские усадьбы и захватывали крупные поместья, рабочие выходили из повиновения и бросали работу... Вполне естественно, что предприниматели, помещики и офицерство прилагали все усилия, чтобы предотвратить какие-либо уступки массам на демократической основе.

Политика Временного правительства колебалась между мелкими реформами и суровыми репрессивными мерами. Указом социалистического министра труда рабочим коми-

тетам было предписано впредь собираться в нерабочее время. На фронте «агитаторы» оппозиционных политических партий арестовывались, радикальные газеты закрывались и к проповедникам революции стала применяться смертная казнь. Делались попытки разоружить Красную Гвардию. В провинцию для поддержания порядка были отправлены казаки.

Эти меры поддерживались «умеренными» социалистами и их вождями-министрами, которые считали необходимым сотрудничество с имущими классами. Народные массы отворачивались от них и переходили на сторону большевиков, которые твердо боролись за мир, передачу земли крестьянам, введение рабочего контроля над производством и за создание рабочего правительства.

В сентябре 1917 г. разразился кризис. Керенский и «умеренные» социалисты против воли подавляющего большинства населения создали коалиционное правительство, в которое вошли представители имущих классов. В результате меньшевики и социалисты-революционеры навсегда потеряли доверие народа.

* * *

Отношение народных масс к «умеренным» социалистам резко выражено в статье, появившейся около середины октября (конца сентября) в газете «Рабочий Путь» и озаглавленной

ленной «Министры-социалисты»:

«...Возьмите их послужной список:

Цертели – разоружил рабочих, вместе с генералом Половцевым «усмирил» революционных солдат и одобрил смертную казнь для солдат.

Скобелев – начал с того, что пообещал отнять у капиталистов 100% прибыли, а кончил... попыткой разогнать фабрично-заводские комитеты рабочих.

Авксентьев – посадил в тюрьму несколько сот крестьян, членов земельных комитетов, закрыл несколько десятков рабочих и солдатских газет.

Чернов – подписал царистский манифест о разгоне финляндского сейма.

Савинков – вступил в прямой союз с генералом Корниловым и не сдал Петрограда этому «спасителю» отечества только по не зависящим от Савинкова обстоятельствам.

Зарудный – вместе с Алексинским и Керенским засадил в тюрьму тысячи революционных рабочих, матросов и солдат, помог сочинить клеветническое «дело» против большевиков, которое ляжет таким же позором на русский суд, как дело Бейлиса.

Никитин – выступил в роли заурядного жандарма против железнодорожников.

Керенский – но о сем уже умолчим. Его послужной список слишком длинен...»

Съезд делегатов Балтийского флота в Гельсингфорсе при-

нял резолюцию, которая начиналась так:

«...Требовать от Всероссийских комитетов Совета Р., С. и I Кр. Д. и Центрофлота немедленного удаления из рядов Временного правительства социалиста в кавычках и без кавычек, политического авантюриста Керенского, как лица позорящего и губящего своим бесстыдным политическим шантажом в пользу буржуазии великую революцию, а также вместе с нею весь революционный народ...»

Прямым результатом всего этого была растущая популярность большевиков...

С тех пор как в марте 1917 г. шумные потоки рабочих и солдат, затопив Таврический дворец, принудили колеблющуюся Государственную Думу взять в свои руки верховную власть в России, именно массы народные – рабочие, солдаты и крестьяне определили каждый поворот в ходе революции. Они низвергли министерство Милюкова; их Совет провозгласил перед всем миром русские мирные условия – «никаких аннексий, никаких контрибуций, право самоопределения народов»; и опять-таки в июле именно они, еще неорганизованные массы стихийно поднявшегося пролетариата, снова штурмовали Таврический дворец, чтобы потребовать перехода власти над Россией к Советам.

Большевики, тогда еще небольшая политическая секта, возглавили движение. В результате катастрофической неудачи восстания общественное мнение повернулось против них, и шедшие за ними толпы, лишённые вождей, отхлыну-

ли назад, на Выборгскую сторону – Сент-Антуанское предместье Петрограда. Тогда последовала дикая травля большевиков: сотни их, в том числе Троцкий, госпожа Коллонтай и Каменев, были заключены в тюрьмы; Ленин и Зиновьев принуждены были скрываться от ареста; большевистские газеты преследовались и закрывались. Провокаторы и реакционеры подняли неистовый вой о том, что большевики – немецкие агенты, и во всем мире нашлись люди, поверившие этому.

Однако Временное правительство оказалось не в состоянии подтвердить обоснованность этих обвинений; документы, якобы доказывавшие существование германского заговора, оказались подложными; и большевики один за другим освобождались из тюрем без суда, под фиктивный залог или вовсе без залога, так что в конце концов в заключении осталось всего 6 человек. Бессилие и нерешительность Временного правительства, состав которого непрерывно менялся, были слишком очевидны для всех. Большевики вновь провозгласили столь дорогой массам лозунг: «Вся власть Советам!», и они вовсе не исходили при этом из своих узкопартийных интересов, поскольку в то время большинство в Советах принадлежало «умеренным» социалистам – их злейшему врагу.

Еще более действенным было то, что они взяли простые, неоформленные мечты масс рабочих, солдат и крестьян и на них построили программу своих ближайших действий. И вот, в то время как меньшевики-оборонцы и социалисты-ре-

волюционеры опутывали себя соглашениями с буржуазией, большевики быстро овладели массами. В июле их травили и презирали; к сентябрю рабочие столицы, моряки Балтийского флота и солдаты почти поголовно встали на их сторону. Сентябрьские муниципальные выборы в больших городах были показательны: среди избранных оказалось всего только 18% меньшевиков и социалистов-революционеров против 70% в июне...

* * *

Иностранного наблюдателя мог в то время озадачить необъяснимый для него факт: Центральный Исполнительный Комитет Советов, центральные комитеты армии и флота, центральные комитеты некоторых профессиональных союзов – особенно почтово-телеграфных работников и железнодорожников – относились крайне враждебно к большевикам. Все эти центральные комитеты были избраны еще в середине лета и даже раньше, когда меньшевики и эсеры имели огромное число сторонников, теперь же они всеми силами оттягивали и срывали какие-либо перевыборы. Так, согласно уставу Советов рабочих и солдатских депутатов, Всероссийский съезд должен был состояться в сентябре, но ЦИК не хотел созывать его на том основании, что до открытия Учредительного собрания оставалось всего два месяца, а к тому времени, как он намекал, Советы вообще должны будут

сложить свои полномочия. Между тем по всей стране большевики завоевывали на свою сторону один за другим местные Советы, отделения профессиональных союзов и укрепляли свое влияние в рядах солдат и матросов. Крестьянские Советы все еще оставались консервативными, так как в темной деревне политическое сознание развивается медленно, а партия социалистов-революционеров вела агитацию среди крестьян на протяжении целого поколения... Но даже и в крестьянской среде начало формироваться революционное ядро. Это стало очевидным в октябре, когда левое крыло социалистов-революционеров откололось и образовало новую политическую группировку – партию левых эсеров.

В то же время всюду стали заметны признаки оживления реакционных сил. Так, например, в Троицком театре в Петрограде представление комедии «Преступление царя» было сорвано группой монархистов, грозивших расправиться с актерами за «оскорбление императора». Определенные газеты начали вздыхать по «русскому Наполеону». В среде буржуазной интеллигенции стало обычаем называть Совет рабочих депутатов «советом собачьих депутатов».

15 октября у меня был разговор с крупным русским капиталистом Степаном Георгиевичем Лианозовым – «русским Рокфеллером», кадетом по политическим убеждениям.

«Революция, – сказал он, – это болезнь. Раньше или позже иностранным державам придется вмешаться в наши дела, точно так же, как вмешиваются врачи, чтобы излечить боль-

ного ребенка и поставить его на ноги. Конечно, это было бы более или менее неуместно, однако все нации должны понять, насколько для их собственных стран опасны большевизм и такие заразительные идеи, как «пролетарская диктатура» и «мировая социальная революция»... Впрочем, возможно, такое вмешательство не будет необходимым. Транспорт развалился, фабрики закрываются, и немцы наступают. Может быть, голод и поражение пробудят в русском народе здравый смысл...»

Господин Лианозов весьма энергично утверждал: что бы ни случилось, торговцы и промышленники не могут допустить существования фабрично-заводских комитетов или примириться с каким бы то ни было участием рабочих в управлении производством.

«Что до большевиков, то с ними придется разделяться одним из двух методов. Правительство может эвакуировать Петроград, объявив тогда осадное положение, и командующий войсками округа расправится с этими господами без юридических формальностей... Или, если, например, Учредительное собрание проявит какие-либо утопические тенденции, его можно будет разогнать силой оружия...»

* * *

Наступала зима – страшная русская зима. В торгово-промышленных кругах я слышал такие разговоры: «Зима всегда

была лучшим другом России; быть может, теперь она избавит нас от революции». На замерзающем фронте голодали и умирали несчастные армии, потерявшие всякое воодушевление. Железные дороги замирали, продовольствия становилось все меньше, фабрики закрывались. Отчаявшиеся массы громко кричали, что буржуазия покушается на жизнь народа, вызывает поражение на фронте. Рига была сдана непосредственно после того, как генерал Корнилов публично заявил: «Не должны ли мы пожертвовать Ригой, чтобы возвратить страну к сознанию ее долга?»

Американцам показалось бы невероятным, что классовая борьба могла дойти до такой остроты. Но я лично встречал на Северном фронте офицеров, которые открыто предпочитали военное поражение сотрудничеству с солдатскими комитетами. Секретарь петроградского отдела кадетской партии говорил мне, что экономическая разруха является частью кампании, проводимой для дискредитирования революции. Один союзный дипломат, имя которого я дал слово не упоминать, подтверждал это на основании собственных сведений. Мне известны некоторые угольные копи близ Харькова, которые были подожжены или затоплены владельцами, московские текстильные фабрики, где инженеры, бросая работу, приводили машины в негодность, железнодорожные служащие, пойманные рабочими в момент, когда они выводили локомотивы из строя...

Значительная часть имущих классов предпочитала нем-

цев революции – даже Временному правительству – и не колебалась говорить об этом. В русской семье, где я жил, почти постоянной темой разговоров за столом был грядущий приход немцев, несущих «законность и порядок...». Однажды мне пришлось провести вечер в доме одного московского купца; во время чаепития мы спросили у одиннадцати человек, сидевших за столом, кого они предпочитают – «Вильгельма или большевиков». Десять против одного высказались за Вильгельма...

Спекулянты пользовались всеобщей разрухой, наживали колоссальные состояния и растрачивали их на неслыханное мотовство или на подкуп должностных лиц. Они прятали продовольствие и топливо или тайно переправляли их в Швецию.

В первые четыре месяца революции, например, из петроградских городских складов почти открыто расхищались продовольственные запасы, так что имевшийся двухгодичный запас зернового хлеба сократился до такой степени, что его оказалось недостаточно для пропитания города в течение одного месяца... Согласно официальному сообщению последнего министра продовольствия Временного правительства, кофе закупался во Владивостоке оптом по 2 рубля фунт, а потребитель в Петрограде платил по 13 рублей. Во всех магазинах крупных городов находились целые тонны продовольствия и одежды, но приобретать это могли только богатые.

В одном провинциальном городе я знал купеческую се-

мью, состоявшую из спекулянтов-мародеров, как называют их русские. Три сына откупились от воинской повинности. Один из них спекулировал продовольствием. Другой сбывал краденое золото из Ленских приисков таинственным покупателям в Финляндии. Третий закупил большую часть акций одной шоколадной фабрики и продавал шоколад местным кооперативам, с тем чтобы они за это снабжали его всем необходимым. Таким образом, в то время как массы народа получали четверть фунта черного хлеба в день по своей хлебной карточке, он имел в изобилии белый хлеб, сахар, чай, конфеты, печенье и масло... И все же, когда солдаты на фронте не могли больше сражаться от холода, голода и истощения, члены этой семьи с негодованием вопили: «Труссы!», они «стыдились быть русскими»... Для них большевики, которые в конце концов нашли и реквизировали крупные запасы припрятанного ими продовольствия, были сущими «грабителями».

* * *

В этой атмосфере всеобщей продажности и чудовищных полуистин изо дня в день было слышно звучание одной ясной ноты все крепнущего хора большевиков: «Вся власть Советам! Вся власть истинным представителям миллионов рабочих, солдат и крестьян. Хлеба, земли, конец бессмысленной войне, конец тайной дипломатии, спекуляции, измене...

Революция в опасности, и с ней – общее дело народа во всем мире!»

Борьба между пролетариатом и буржуазией, между Советами и правительством, начавшаяся еще в первые мартовские дни, приближалась к своему апогею. Россия, одним прыжком перескочив из средневековья в XX век, явила изумленному миру две революции – политическую и социальную – в смертельной схватке.

Какую изумительную жизнеспособность проявляла русская революция после стольких месяцев голодовки и разочарований! Буржуазии следовало бы лучше знать свою Россию. Теперь лишь немногие дни отделяли Россию от полного разгара революционной «болезни»...

При взгляде назад Россия до Ноябрьского восстания кажется страной иного века, почти невероятно консервативной. Так быстро пришлось привыкать к новому, ускоренному темпу жизни. Русские политические отношения сразу и целиком сдвинулись влево до такой степени, что кадеты были объявлены вне закона, как «враги народа», Керенский стал «контрреволюционером», «умеренные» социалистические вожди – Церетели, Дан, Либер, Гоц, Авксентьев оказались слишком реакционными для своих собственных последователей, и даже такие люди, как Виктор Чернов и Максим Горький, очутились на правом крыле...

Около середины декабря 1917 г. группа эсеровских вождей частным образом посетила английского посла сэра

Джорджа Бьюкенена, причем умоляла его никому не говорить об этом посещении, потому что они считались «слишком правыми».

«И подумать только, – сказал сэр Джордж, – год тому назад мое правительство инструктировало меня не принимать Милюкова, потому что он слыл опасно левым!..»

Сентябрь и октябрь – наихудшие месяцы русского года, особенно петроградского года. С тусклого, серого неба в течение все более короткого дня непрерывно льет пронизывающий дождь. Повсюду под ногами густая, скользкая и вязкая грязь, размазанная тяжелыми сапогами и еще более жуткая чем когда-либо ввиду полного развала городской администрации. С Финского залива дует резкий, сырой ветер, и улицы затянуты мокрым туманом. По ночам – частью из экономии, частью из страха перед цеппелинами – горят лишь редкие, скудные уличные фонари; в частные квартиры электричество подается только вечером, с 6 до 12 часов, причем свечи стоят по сорок центов (Цент по тогдашнему курсу равнялся 3 – 5 копейкам. – *джон рид*) штука, а керосина почти нельзя достать. Темно с 3 часов дня до 10 утра. Масса разбоев и грабежей. В домах мужчины по очереди несут ночную охрану, вооружившись заряженными ружьями. Так было при Временном правительстве. С каждой неделей продовольствия становится все меньше. Хлебный паек уменьшился с 2 фунтов до 1 фунта, потом до 3/4 фунта, 1/2 фунта и 1/4 фунта. Наконец, прошла целая недели, когда совсем не вы-

давали хлеба. Сахару полагалось по 2 фунта в месяц, но эти 2 фунта надо было достать, а это редко кому удавалось. Плитка шоколада или фунт безвкусных леденцов стоили от 7 до 10 рублей, т. е. по крайней мере доллар. Половина петроградских детей не имела молока; во многих гостиницах и частных домах его не видали по целым месяцам. Хотя был фруктовый сезон, яблоки и груши продавались на улицах чуть ли не по рублю за штуку...

За молоком, хлебом, сахаром и табаком приходилось часами стоять в очередях под пронизывающим дождем. Возвращаясь домой с митинга, затянувшегося на всю ночь, я видел, как перед дверями магазина еще до рассвета начал образовываться «хвост», главным образом из женщин; многие из них держали на руках грудных детей... Карлейль говорит в своей «Французской революции», что французы отличаются от всех прочих народов мира способностью стоять в «хвостах». Россия начала приобретать эту способность в царствование Николая «благословенного», еще с 1915 года, – и с тех пор «хвосты» появлялись время от времени, пока к лету 1917 г. окончательно не вошли в порядок вещей. Подумайте, каково было этим кое-как одетым людям выставлять целые дни напролет на скованных и выбеленных морозом петроградских улицах в ужасную русскую зиму!

Я прислушивался к разговорам в хлебных очередях. Сквозь удивительное добродушие русской толпы время от времени прорывались горькие, желчные ноты недоволь-

Разумеется, театры были открыты ежедневно, не исключая и воскресений. В Мариинском шел новый балет с Карсавиной, и вся балетоманская Россия являлась смотреть на нее. Пел Шаляпин. В Александрийском была возобновлена мейерхольдовская постановка драмы Алексея Толстого «Смерть Ивана Грозного». На этом спектакле мне особенно запомнился воспитанник императорского пажеского корпуса в парадной форме, который во всех антрактах стоял навтыжку лицом к пустой императорской ложе, с которой уже были сорваны все орлы... Театр «Кривое зеркало» давал роскошную постановку шницлеровского «Хоровода».

Эрмитаж и все прочие картинные галереи были эвакуированы в Москву; однако в Петрограде каждую неделю открывались художественные выставки. Толпы женщин из среды интеллигенции усердно посещали лекции по искусству, литературе и популярной философии. У теософов был необычайно оживленный сезон. Армия спасения, впервые в истории допущенная в Россию, заклеивала все стены объявлениями о евангелических собраниях, одновременно изумлявших и забавлявших русскую аудиторию...

Как и всегда бывает в таких случаях, повседневная мелочная жизнь города шла своим чередом, стараясь по воз-

возможности не замечать революции. Поэты писали стихи, – но только не о революции. Художники-реалисты писали картины на темы старинного русского быта – о чем угодно, но не о революции. Провинциальные барышни приезжали в Петроград учиться французскому языку и пению. По коридорам и вестибюлям отелей расхаживали молодые, изящные и веселые офицеры, щеголяя малиновыми башлыками с золотым позументом и чеканными кавказскими шашками. В полдень дамы из второразрядного чиновничьего круга ездили друг к другу на чашку чая, привозя с собой в муфте маленькую серебряную или золотую сахарницу ювелирной работы, полбулки, и при этом они вслух мечтали о том, как бы было хорошо, если бы вернулся царь или если бы пришли немцы, или если бы случилось что-нибудь другое, что могло бы разрешить наболевший вопрос о прислуге... Дочь одного из моих приятелей однажды в полдень вернулась домой в истерике: кондукторша в трамвае назвала ее «товарищем»!

А вокруг них корчилась в муках, вынашивая новый мир, огромная Россия. Прислуга, с которой прежде обращались, как с животными, и которой почти ничего не платили, обрела чувство собственного достоинства. Пара ботинок стоила свыше ста рублей, и так как жалованье в среднем не превышало тридцати пяти рублей в месяц, то прислуга отказывалась стоять в очередях и изнашивать свою обувь. Но мало этого. В новой России каждый человек – все равно мужчина или женщина – получил право голоса; появились рабочие

газеты, говорившие о новых и изумительных вещах; появились Советы; появились профессиональные союзы. Даже у извозчиков был свой профсоюз и свой представитель в Петроградском Совете. Лакеи и официанты сорганизовались и отказались от чаевых. Во всех ресторанах по стенам висели плакаты, гласившие: «Здесь на чай не берут» или: «Если человеку приходится служить за столом, чтобы заработать себе на хлеб, то это еще не значит, что его можно оскорблять подачками на чай».

На фронте солдаты боролись с офицерами и учились в своих комитетах самоуправлению. На фабриках приобретали опыт и силу и понимание своей исторической миссии в борьбе со старым порядком эти не имеющие себе подобных русские организации – фабрично-заводские комитеты.

Вся Россия училась читать и действительно читала книги по политике, экономике, истории – читала потому, что люди хотели знать... Мы приехали на фронт в XII армию, стоявшую за Ригой, где босые и истощенные люди погибали в окопной грязи от голода и болезней. Завидев нас, они поднялись навстречу. Лица их были измождены; сквозь дыры в одежде синело голое тело. И первый вопрос был: «Привезли ли что-нибудь почитать?»

В каждом городе, в большинстве прифронтовых городов каждая политическая партия выпускала свою газету, а иногда и несколько газет. Тысячи организаций печатали сотни тысяч политических брошюр, затопляя ими окопы и дерев-

ни, заводы и городские улицы.

Жажда просвещения, которую так долго сдерживали, вместе с революцией вырвалась наружу со стихийной силой. За первые шесть месяцев революции из одного Смольного института ежедневно отправлялись во все уголки страны тонны, грузовики, поезда литературы.

Россия поглощала печатный материал с такой же ненасытностью, с какой сухой песок впитывает воду. И все это были не сказки, не фальсифицированная история, не разбавленная водой религия, не дешевая, разлагающая макулатура, а общественные и экономические теории, философии, произведения Толстого, Гоголя и Горького...

* * *

Затем – слово. Россию затоплял такой поток живого слова, что по сравнению с ним «потоп французской речи», о котором пишет Карлейль, кажется мелким ручейком. Лекции, дискуссии, речи – в театрах, цирках, школах, клубах, залах Советов, помещениях профсоюзов, казармах... Митинги в окопах на фронте, на деревенских лужайках, на фабричных дворах... Какое изумительное зрелище являет собой Путиловский завод, когда из его стен густым потоком выходят сорок тысяч рабочих, выходят, чтобы слушать социал-демократов, эсеров, анархистов – кого угодно, о чем угодно и сколько бы они ни говорили. В течение целых меся-

цев каждый перекресток Петрограда и других русских городов постоянно был публичной трибуной. Стихийные споры и митинги возникали и в поездах, и в трамваях, повсюду...

А всероссийские съезды и конференции, на которые съезжались люди двух материков – съезды Советов, кооперативов, земств, национальностей, духовенства, крестьян, политических партий; Демократическое совещание, Московское Государственное совещание, Совет Российской республики... В Петрограде постоянно заседали три-четыре съезда сразу. Попытки ограничить время ораторов проваливались решительно на всех митингах, и каждый имел полную возможность выразить все чувства и мысли, какие только у него были...

Внешних, видимых признаков совершившейся перемены было много, но, хотя в руках статуи Екатерины Великой против Александрийского театра торчал красный флажок, хотя над всеми общественными зданиями тоже развевались красные флаги, иногда, впрочем, выцветшие, а императорские вензеля и орлы были повсюду сорваны или прикрыты; хотя вместо свирепых городских улицы охраняла добродушная и невооруженная гражданская милиция, – тем не менее еще сохранилось очень много странных пережитков прошлого.

Так, например, оставалась в полной силе табель о рангах Петра Великого, которой он железной рукой сковал всю Россию. Почти все, начиная от школьников, еще продолжали носить установленную прежнюю форменную одежду с им-

ператорскими орлами на пуговицах и петлицах. Около пяти часов вечера улицы заполнялись пожилыми людьми в форме, с портфелями. Возвращаясь домой с работы в огромных казармоподобных министерствах и других правительственных учреждениях, они, быть может, высчитывали, насколько быстро смертность среди начальства подвигает их к долгожданному чину коллежского асессора или тайного советника, к перспективе почетной отставки с полной пенсией, а может быть, и с Анной на шее...

Любопытный случай произошел с сенатором Соколовым, который в самом разгаре революции как-то раз явился на заседание сената в штатском костюме. Ему не позволили принять участие в заседании, потому что на нем не было предписанной ливреи слуги царя!

На этом-то фоне брожения и разложения целой нации развернулась панорама восстания русских народных масс...

Рождение бури

В сентябре (по нов. ст.) на Петроград двинулся генерал Корнилов, чтобы провозгласить себя военным диктатором России. За его спиной неожиданно обнаружился бронированный кулак буржуазии, дерзко попытавшейся сокрушить революцию. В заговоре Корнилова были замешаны некоторые министры-социалисты. Сам Керенский был под подозрением. Савинков, от которого Центральный комитет его партии, социалистов-революционеров, потребовал объяснений, ответил отказом и был исключен из партии. Корнилова арестовали солдатские комитеты. Многие генералы были уволены в отставку, некоторые министры лишились портфелей, и кабинет пал.

Керенский попытался сформировать новое правительство при участии представителей партии буржуазии – кадетов. Партия социалистов-революционеров, к которой он принадлежал, приказала ему кадетов исключить. Керенский не послушался и пригрозил, что, если социалисты будут настаивать на своем, он подаст в отставку. Однако настроение народа было настолько резко и определенно, что в это время он не посмел бороться с ним. Была образована временная директория из пяти министров с Керенским во главе, которая и взяла на себя власть впредь до окончательного разрешения вопроса о составе правительства.

Корниловский мятеж сплотил все социалистические группы – как «умеренные», так и революционные – в страстном порыве к самозащите. Корниловых больше не должно быть. Необходимо создать новое правительство, ответственное перед элементами, поддерживающими революцию. Поэтому ЦИК предложил всем демократическим организациям прислать делегатов на Демократическое совещание, которое должно открыться в Петрограде в сентябре.

В ЦИК сразу образовалось три направления. Большевики требовали немедленного созыва Всероссийского съезда Советов и перехода к нему всей полноты власти. Центристы-эсеры, руководимые Черновым, вместе с левыми эсерами, возглавлявшимися Камковым и Спиридоновой, меньшевики-интернационалисты во главе с Мартовым и меньшевики-центристы, представленные Богдановым и Скобелевым, требовали создания однородного социалистического правительства. Правые меньшевики во главе с Церетели, Даном и Либером, а также правые эсеры, которыми руководили Авксентьев и Гоц, настаивали на участии в новом правительстве представителей имущих классов. Почти вслед за этим большевики завоевали большинство в Петроградском Совете, а потом и в Советах Москвы, Киева, Одессы и других городов.

Меньшевики и эсеры, господствовавшие в ЦИК, встревожились и решили, что в конце концов Ленин для них страшнее Корнилова. Они изменили порядок представительства в Демократическом совещании, выделив гораздо больше мест

кооперативам и другим консервативным организациям. Но даже и это специально подобранное совещание – сначала высказывалось за коалиционное правительство без кадетов. Только открытая угроза Керенского отставкой и отчаянные вопли «умеренных» социалистов, что «республика в опасности», заставили Совещание незначительным большинством принять принцип коалиции с буржуазией и санкционировать создание нечто в роде совещательного парламента без всякой законодательной власти под названием «Временного Совета Российской республики». В новом министерстве представители имущих классов фактически заправляли всем, а в Совете Российской республики они получили непропорционально большое количество мест.

ЦИК фактически уже не представлял рядовую массу в Советах и без всякого законного основания отказался созвать Второй всероссийский съезд, который должен был открыться в сентябре. ЦИК не имел никакого намерения созвать съезд или допустить его созыв. Его официальный орган «Известия» начал намекать, что миссия Советов уже почти закончена и что, быть может, они скоро будут распущены... А в то же время новое правительство также заявило, что в его программу входит ликвидация «безответственных организаций», т. е. Советов.

В ответ на это большевики призвали Советы собраться на съезд 2 ноября (20 октября) в Петрограде и взять в свои руки власть в России. В то же время они вышли из Совета Россий-

ской республики, заявив, что не хотят принимать участия в «правительстве народной измены».

Однако уход большевиков не принес спокойствия злополучному Совету республики. Имущие классы, стоявшие теперь у власти, явно наглели. Кадеты заявили, что правительство не имеет законного права объявлять Россию республикой. Они требовали применения суровых мер в армии и флоте с целью разгона солдатских и матросских комитетов и повели атаку на Советы. А на противоположном крыле Совета республики меньшевики-интернационалисты и левые эсеры выступали за немедленное заключение мира, передачу земли крестьянам, введение рабочего контроля над производством – фактически за большевистскую программу.

Мне пришлось слышать выступление Мартова против кадетов. Сгорбившись над трибуной, точно смертельно больной, каким он и был, показывая пальцем на правых, он говорил хриплым, еле внятным голосом:

«Вы называете нас пораженцами. Но настоящие пораженцы – это те люди, которые ждут благоприятного момента для заключения мира, которые откладывают и оттягивают мир до бесконечности, до тех пор, пока от русской армии не останется ничего, пока сама Россия не станет предметом торга между империалистическими группами... Вы пытаетесь навязать русскому народу политику, диктуемую интересами буржуазии. Вопрос о мире должен быть разрешен немедленно... И тогда вы увидите, что не напрасно работа-

ли те люди, которых вы называете германскими агентами, те циммервальдисты (Члены революционно-интернационалистского крыла европейского социализма. Они названы так по их международной конференции 1915 г. в Циммервальде (Швейцария. — *дж. р.*), которые подготовили пробуждение сознания демократических масс во всем мире...»

Между этими группировками метались меньшевики и эсеры, ощущая слева давление нарастающего недовольства масс. Глубокая вражда разделила Совет республики на непримиримые группы.

* * *

Таково было положение, когда долгожданная весть о Парижской общесоюзнической конференции поставила во весь рост жгучие вопросы иностранной политики...

В теории все русские социалистические партии стояли за скорейшее заключение мира на демократических условиях. Еще в мае (апреле) 1917 г. Петроградский Совет, которым тогда руководили меньшевики и эсеры, обнародовал известные русские условия мира. В них содержалось требование, чтобы союзники созвали конференцию для обсуждения целей войны. Конференция была обещана на август, потом отложена на сентябрь, потом на октябрь, теперь она была назначена на 10 ноября (28 октября).

Временное правительство намеревалось послать на эту

конференцию двух представителей: генерала Алексеева, настроенного очень реакционно, и министра иностранных дел Терещенко. Советы со своей стороны избрали Скобелева своим представителем и составили манифест, знаменитый наказ, который должен был служить ему инструкцией. Временное правительство не признавало ни Скобелева, ни его наказа; союзная дипломатия тоже протестовала. Кончилось тем, что Бонар Лоу, министр финансов в коалиционном правительстве Ллойд Джорджа, холодно заявил, отвечая на вопрос в британской палате общин: «Насколько мне известно, Парижская конференция будет обсуждать не цели войны, а способы ее ведения...».

Русская консервативная пресса была в восторге, а большевики кричали: «Вот куда завела меньшевиков и эсеров соглашательская тактика!».

А по всему фронту длиною в тысячи миль бурлила, как морской прилив, многомиллионная русская армия, высылая в столицу, новые и новые сотни делегаций, требовавших: «Мира! Мира!»

Я отправился за реку, в цирк Модерн, на один из огромных народных митингов, которые происходили по всему городу, с каждым вечером собирая все больше и больше публики. Обшарпанный, мрачный амфитеатр, освещенный пятью слабо мерцавшими лампочками, свисавшими на тонкой проволоке, был забит снизу доверху, до потолка: солдаты, матросы, рабочие, женщины, и все слушали с таким напряжени-

ем, как если бы от этого зависела их жизнь. Говорил солдат от какой-то 548-й дивизии.

«Товарищи! – кричал он, и в его истощенном лице и жестах отчаяния чувствовалась самая настоящая мука, – люди, стоящие наверху, все время призывают нас к новым и новым жертвам, а между тем тех, у кого есть все, не трогают.

Мы воюем с Германией. Пригласим ли мы германских генералов работать в нашем штабе? Ну, а ведь мы воюем и с капиталистами, и все же мы зовем их в наше правительство...

Солдат говорит: «Укажите мне, за что я сражаюсь. За Константинополь или за свободную Россию? За демократию или за капиталистические захваты? Если мне докажут, что я защищаю революцию, то я пойду и буду драться, и меня не придется подгонять расстрелами».

Когда земля будет принадлежать крестьянам, заводы – рабочим, а власть Советам, тогда мы будем знать, что у нас есть за что драться, и тогда мы будем драться!»

В казармах, на заводах, на углах улиц – всюду ораторствовали бесчисленные солдаты, требуя немедленного мира, заявляя, что, если правительство не сделает энергичных шагов, чтобы добиться мира, армия оставит окопы и разойдется по домам.

Представитель VIII армии говорил:

«Мы слабы, у нас осталось всего по несколько человек на роту. Если нам не дадут продовольствия, сапог и подкреплений, то скоро на фронте останутся одни пустые окопы. Мир

или снабжение... Пусть правительство либо кончает войну, либо снабжает армию...»

От 46-й Сибирской артиллерийской бригады: «Офицеры не хотят работать с нашими комитетами, они предают нас неприятелю, они расстреливают наших агитаторов, а контрреволюционное правительство поддерживает их. Мы думали, что революция даст нам мир. А вместо этого правительство запрещает нам даже говорить о таких вещах, а само не дает нам достаточно еды, чтобы жить, и достаточно боеприпасов, чтобы сражаться...»

А из Европы шли слухи о мире за счет России... Недовольство еще увеличивалось известиями о положении русских войск во Франции. Первая бригада попыталась заменить своих офицеров солдатскими комитетами, как это было сделано их товарищами в России, и отказалась отправиться в Салоники, требуя возвращения на родину. Ее окружили, поморили голодом и, наконец, обстреляли артиллерийским огнем, причем многие были убиты...

* * *

26 (13) октября я отправился в белораморно-красный зал Мариинского дворца, где заседал Совет республики. Мне хотелось послушать Терещенко: он должен был огласить правительственную декларацию о внешней политике, которой так долго и с таким страстным нетерпением ждала страна,

истощенная войной и жаждавшая мира.

Высокий безукоризненно одетый и выбритый молодой человек с выдающимися скулами тихим голосом читал свою тщательно составленную и ни к чему не обязывающую речь. Ничего... Все те же общие места о сокрушении германского милитаризма в тесном единении с доблестными союзниками, о «государственных интересах России», о «затруднениях», созданных Скобелевским наказом. Терещенко закончил следующими словами, составлявшими суть его речи:

«Россия – великая держава. Россия останется великой державой, что бы ни случилось. Мы все должны защищать ее, мы должны показать себя защитниками великого идеала и сынами великой державы».

Никто не был удовлетворен этой речью. Реакционеры требовали «твердой» империалистической политики, а демократические партии хотели получить гарантию, что правительство будет добиваться мира. Привожу передовую статью газеты «Рабочий и Солдат» – органа большевистского Петроградского Совета:

«Ответ правительства окопам.

Министр иностранных дел г. Терещенко выступил в предпарламенте с большой речью по поводу войны и мира. Что же поведал армии и народу самый молчаливый из наших министров?

Во-первых, мы тесно связаны с нашими союзниками (не народами, а их правительствами).

Во-вторых, не следует демократии рассуждать о возможности или невозможности ведения зимней кампании: решать должны союзные правительства.

В-третьих, наступление 18 июня было благодетельным и счастливым делом (о последствиях наступления Терещенко умолчал).

В-четвертых, неверно-де, будто союзные правительства о нас не заботятся. «У нас имеются определенные заявления наших союзников»... Заявления? А дела? А поведение английского флота? А переговоры английского короля с высланным контрреволюционером Гурко? Об этом министр умолчал.

В-пятых, наказ Скобелеву плох, этим наказом недовольны союзники и русские дипломаты, а «на союзной конференции мы должны говорить единым языком».

И это все? Все. Где же пути выхода? Вера в союзников и в Терещенко. Когда же наступит мир? Тогда, когда позволят союзники.

Таков ответ Временного правительства окопам на вопрос о мире».

И в это же время на заднем плане российской политики начали вырисовываться неясные очертания зловещей силы – казаки. Газета Горького «Новая Жизнь» обратила внимание читателей на их деятельность:

«...Во время февральских дней казаки не стреляли в народ, во время Корнилова они не присоединились к изменни-

ку...

За последнее время их роль несколько меняется: от пассивной лояльности они переходят к активному политическому наступлению...»

Атаман донского казачьего войска Каледин был уволен Временным правительством в отставку за участие в корниловской заговоре. Он наотрез отказался покинуть свой пост и засел в Новочеркасске, окруженный тремя огромными казачьими армиями, составлял заговоры и грозил выступлением. Сила его была так велика, что правительству пришлось смотреть на его неподчинение сквозь пальцы. Мало того, оно было вынуждено формально признать Совет союза казачьих войск и объявить вновь образованную казачью секцию Советов незаконной.

В начале октября к Керенскому явилась делегация казаков, имевшая наглость требовать прекращения нападков на Каледина и упрекать главу правительства в том, что он попускает Советам.

Керенский согласился оставить Каледина в покое и, как сообщалось, при этом сказал: «Руководители Совета считают меня деспотом и тираном... Что до Временного правительства, то оно не только не опирается на Советы, но весьма сожалеет, что они вообще существуют».

В то же время другая казачья делегация явилась к английскому послу и в разговоре с ним прямо называла себя представителем «свободного казачьего народа».

На Дону образовалось нечто вроде казачьей республики. Кубань объявила себя независимым казачьим государством. В Ростове-на-Дону и в Екатеринославе вооруженные казаки разогнали Советы, а в Харькове разгромили помещение профессионального союза горняков. Казачье движение повсюду проявляло себя как антисоциалистическое и милитаристское. Его вождями были дворяне и крупные землевладельцы, такие, как Каледин, Корнилов, генералы Дутов, Караулов и Бардижи, его поддерживали крупные московские коммерсанты и банкиры.

* * *

Старая Россия быстро разваливалась. На Украине и в Финляндии, в Польше и в Белоруссии усиливалось все более открытое националистическое движение. Местные органы власти, руководимые имущими классами, стремились к автономии и отказывались подчиняться распоряжениям из Петрограда. В Гельсингфорсе финляндский сейм отказался брать у Временного правительства деньги, объявил Финляндию автономной и потребовал вывода русских войск. Буржуазная рада в Киеве до такой степени раздвинула границы Украины, что они включили в себя богатейшие земледельческие области Южной России, вплоть до самого Урала, и приступила к формированию национальной армии. Глава рады Винниченко поговаривал о сепаратном мире с Германией, и

Временное правительство ничего не могло поделать с ним. Сибирь и Кавказ требовали для себя отдельных учредительных собраний. Во всех этих областях уже начиналась ожесточенная борьба между местными властями и Советами рабочих и солдатских депутатов.

Хаос увеличивался со дня на день. Сотни и тысячи солдат дезертировали с фронта и стали двигаться по стране огромными, беспорядочными волнами. В Тамбовской и Тверской губерниях крестьяне, уставшие ждать земли, доведенные до отчаяния репрессивными мерами правительства, жгли усадьбы и убивали помещиков. Громадные стачки и локауты сотрясали Москву, Одессу и Донецкий угольный бассейн. Транспорт был парализован, армия голодала, крупные городские центры остались без хлеба.

Правительство, раздираемое борьбой между демократическими и реакционными партиями, ничего не могло сделать. Когда оно все-таки оказывалось вынужденным что-то предпринять, его действия неизменно отвечали интересам имущих классов. Высылались казаки для водворения порядка в деревнях, для подавления стачек. В Ташкенте правительственные власти разогнали Совет. В Петрограде Экономическое совещание, созданное для восстановления подорванной экономики страны, зашло в тупик: оно не могло разрешить непримиримого противоречия между трудом и капиталом и в конце концов было распущено Керенским.

Старорежимные офицеры и генералы, поддерживаемые

кадетами, требовали жестоких мер для восстановления дисциплины в армии и флоте. Всеми почитаемый морской министр адмирал Вердеревский и военный министр генерал Верховский напрасно твердили, что спасти армию и флот может только новая, добровольная, демократическая дисциплина, основанная на сотрудничестве командного состава с солдатскими и матросскими комитетами. Их никто не слушал.

Реакционеры, казалось, решили нарочно вызвать ярость в народе. Приближался день суда над Корниловым. Буржуазная пресса все более и более откровенно защищала его, говоря о нем, как о «великом русском патриоте». Бурцевская газета «Общее Дело» требовала установления диктатуры Корнилова, Каледина и Керенского.

С Бурцевым я однажды говорил в ложе прессы Совета Российской республики. Маленький сгорбленный человечек с морщинистым лицом, с близорукими глазами за толстыми стеклами очков, с неопрятной копной волос на голове и седеющей бородой.

«Запомните мои слова, молодой человек! России нужна сильная личность. Пора бросить все думы о революции и сплотиться против немцев. Дураки, дураки допустили, что разбили Корнилова; а за дураками стоят германские агенты. Корнилов должен был бы победить...»

Крайняя правая была представлена органами плохо прикрытого монархизма: «Народный Трибун» Пуришкевича,

«Новая Русь» и «Живое Слово», открыто призывавшие к искоренению революционной демократии.

23(10) октября в Рижском заливе произошло морское сражение с германской эскадрой. Правительство под тем предлогом, что Петроград находится в опасности, составляло планы эвакуации столицы. Сначала должны были быть вывезены и размещены по всей России крупные заводы, работавшие на оборону, а затем само правительство собиралось двинуться в Москву. Большевики немедленно объявили, что правительство покидает красную столицу только для того, чтобы ослабить революцию. Ригу уже продали немцам, теперь предадут Петроград!

Буржуазная пресса ликовала. «В Москве, – говорила кадетская газета «Речь», – правительство сможет работать в спокойной атмосфере, без помех со стороны анархистов». Лидер правого крыла кадетской партии Родзянко заявил в «Утре России», что взятие Петрограда немцами было бы великим счастьем, потому что уничтожило бы Советы и избавило Россию от революционного Балтийского флота:

«Петроград находится в опасности... – писал он. – Я думаю, бог с ним, с Петроградом! Опасаются, что в Питере погибнут центральные учреждения (т. е. Советы и т. д.). На это я возражаю, что очень рад, если все эти учреждения погибнут, потому что, кроме зла, России они ничего не принесли...»

Со взятием Петрограда будет уничтожен и Балтийский

флот... Но жалеть об этом не приходится: большинство боевых судов совершенно развращено».

Буря народного негодования была так велика, что планы эвакуации пришлось отложить.

* * *

А тем временем над Россией, словно грозовая туча, пронизываемая молниями, навис съезд Советов. Его созыву сопротивлялось не только правительство, но и все «умеренные» социалисты. Центральные комитеты армии и флота, центральные комитеты некоторых профессиональных союзов, Советы крестьянских депутатов и особенно ЦИК из всех сил старались предотвратить созыв съезда. Основанные Петроградским Советом, но оказавшиеся в руках ЦИК газеты «Известия» и «Голос Солдата» ожесточенно выступали против съезда. Их поддерживала вся тяжелая артиллерия эсеровской печати – «Дело Народа» и «Воля Народа».

По всей стране были разосланы делегаты, по всем телеграфным проводам летели инструкции, требовавшие от местных Советов и армейских комитетов, чтобы они отменяли или откладывали выборы на съезд. Напыщенные резолюции против съезда, заявления о том, что демократия не допустит его открытия перед самым Учредительным собранием, протесты представителей от фронтов, от земского союза, от крестьянского союза, от союза казачьих войск, от со-

юза офицеров, от союза георгиевских кавалеров, от «батальонов смерти»... Совет Российской республики тоже единоголосно выражал неодобрение. Весь огромный аппарат, созданный Мартовской революцией в России, изо всех сил работал, чтобы не допустить съезда Советов.

А на другой стороне были неоформленные желания пролетариата – рабочих, рядовых солдат и крестьян-бедняков. Многие местные Советы уже стали большевистскими; кроме того, имелись организации промышленного пролетариата, фабрично-заводские комитеты и готовые к восстанию революционные организации армии и флота. Во многих местах народ, которому не давали правильно выбирать своих представителей, собирался на самочинные митинги, где выбирал делегатов в Петроград. В других местах народ смещал стоявшие на его пути старые комитеты и выбирал новые. Подземный огонь восстания прорывал кору, которая медленно затвердевала на поверхности революционной лавы, бездействовавшей в течение всех этих месяцев. Всероссийский съезд Советов мог состояться только в результате стихийного движения масс...

День за днем большевистские ораторы обходили казармы и фабрики, яростно нападавая на «правительство гражданской войны». Однажды, в воскресенье, мы отправились в битком набитом паровике, тащившемся по морям грязи мимо угрюмых фабрик и огромных церквей, на казенный Обуховский военный завод, около Шлиссельбургского проспекта.

Митинг состоялся в громадном недостроенном корпусе с голыми кирпичными стенами. Вокруг трибуны, задрапированной красным, сгрудилась десятитысячная толпа. Все в черном. Люди теснились на штабелях дров и кучах кирпича, взбирались высоко вверх на мрачно чернеющие брусья. То была напряженно внимательная и громкоголосая аудитория. Сквозь тяжелые, темные тучи время от времени пробивалось солнце, заливая красноватым светом пустые оконные переплеты и море обращенных к нам простых человеческих лиц.

Луначарский – худощавый, похожий на студента, с чутким лицом художника объяснял, почему Советы должны взять власть. Только они могут защищать революцию от ее врагов, сознательно разрушающих страну, разваливающих армию, создающих почву для нового Корнилова.

Выступил солдат с Румынского фронта, худой человек с трагическим и пламенным выражением лица. «Товарищи, – кричал он, – мы голодаем и мерзнем на фронте. Мы умираем ни за что. Пусть американские товарищи передадут Америке, что мы, русские, будем биться на смерть за свою революцию. Мы будем держаться всеми силами, пока на помощь нам не поднимутся все народы мира! Скажите американским рабочим, чтобы они поднялись и боролись за социальную революцию!»

Потом встал Петровский, тонкий, медлительный и беспощадный:

«Довольно слов, пора переходить к делу! Экономическое

положение очень плохо, но нам придется приспособиться к нему. Нас пытаются взять голодом и холодом, нас хотят спровоцировать. Но пусть враги знают, что они могут зайти слишком далеко; если они осмелятся прикоснуться к нашим пролетарским организациям, мы сметем их с лица земли, как сор!»

Большевицкая пресса разрасталась с внезапной быстротой. Кроме двух партийных газет «Рабочий Путь» и «Солдат», стала выходить «Деревенская Беднота» – новая ежедневная газета для крестьян с полумиллионным тиражом, а с 30 (17) октября появился «Рабочий и Солдат»...

Любопытно привести здесь отрывок из этой газеты, из органа тех самых большевиков, которых весь мир так хорошо знает в качестве германских агентов:

«Германский кайзер, покрытый кровью миллионов, хочет двинуть свои войска на Петроград. Призовем на помощь против кайзера немецких рабочих, солдат, матросов, крестьян, которые жаждут мира не меньше, чем мы...

«Долой проклятую войну!». Кто должен сделать такое предложение? Революционная власть, подлинное революционное правительство, опирающееся на армию, флот, пролетариат и крестьянство...

Такое правительство обратилось бы через головы дипломатов, союзных и вражеских, непосредственно к немецким войскам. Оно заполнило бы немецкие окопы миллионами воззваний на немецком языке... Наши летчики распростра-

нили бы эти воззвания на немецкой земле...».

* * *

А в Совете республики пропасть между обеими сторонами с каждым днем становилась все глубже.

«Имущие классы, – восклицал левый эсер Карелин, – хотят использовать революционный аппарат государства, чтобы приковать Россию к военной колеснице союзников! Революционные партии решительно против такой политики...»

Престарелый Николай Чайковский, представитель народных социалистов, высказался против передачи земли крестьянам и стал на сторону кадетов:

«Необходимо немедленно же ввести в армии строгую дисциплину... С самого начала войны я не переставил утверждать, что заниматься социальными и экономическими реформами в военное время – преступление. Мы совершаем это преступление, хотя я не враг этих реформ, ибо я социалист...».

Выкрики слева: «Мы не верим вам!» Громовые аплодисменты справа...

Аджемов заявляет от имени кадетов, что нет никакой необходимости объяснять армии, за что она сражается, так как каждый солдат должен понимать, что ближайшая цель – это очищение русской территории от неприятеля.

Сам Керенский дважды выступал со страстными речами о

национальном единстве, причем в конце одной из этих речей расплакался. Собрание слушало его холодно и часто прерывало ироническими замечаниями...

Смольный институт, штаб-квартира ЦИК и Петроградского Совета, помещается на берегу широкой Невы, на самой окраине города. Я приехал туда в переполненном трамвае, который с жалобным дребезжанием тащился со скоростью улитки по затоптанным грязным улицам. У конечной остановки возвышались прекрасные дымчато-голубые купола Смольного монастыря, окаймленные темным золотом, и рядом – огромный казарменный фасад Смольного института в двести ярдов длиной и в три этажа вышиной с императорским гербом, высеченным в камне, над главным входом. Кажется, он глумится над всем происходящим...

При старом режиме здесь помещался знаменитый монастырь-институт для дочерей русской знати, опекаемый самой царицей. Революция захватила его и отдала рабочим и солдатским организациям. В нем было больше ста огромных пустых белых комнат, уцелевшие эмалированные дощечки на дверях гласили: «Классная дама», «IV класс», «Учительская». Но над этими дощечками уже были видны знаки новой жизни – грубо намалеванные плакаты с надписями: «Исполнительный комитет Петроградского Совета», или «ЦИК», или «Бюро иностранных дел», «Союз солдат-социалистов», «Центральный совет всероссийских профессиональных союзов», «Фабрично-заводские комитеты», «Цен-

тральный армейский комитет»... Здесь же находились центральные комитеты политических партий и комнаты для их фракционных совещаний.

В длинных сводчатых коридорах, освещенных редкими электрическими лампочками, толпились и двигались бесчисленные солдаты и рабочие, многие из них сгибались под тяжестью тюков с газетами, прокламациями, всевозможной печатной пропагандой. По деревянным полам непрерывно и гулко, точно гром, стучали тяжелые сапоги... Повсюду висели плакаты: «Товарищи, для вашего же здоровья соблюдайте чистоту». На всех площадках и поворотах лестниц стояли длинные столы, загроможденные предназначенной для продажи печатной литературой всевозможных политических партий.

В обширной и низкой трапезной в нижнем этаже по-прежнему помещалась столовая. За 2 рубля я купил себе талон на обед, вместе с тысячью других стал в очередь, ведущую к длинным столам, за которыми двадцать мужчин и женщин раздавали обедающим щи из огромных котлов, куски мяса, груды каши и ломти черного хлеба. За 5 копеек можно было получить жестяную кружку чая. Жирные деревянные ложки лежали в корзинке. На длинных скамьях, стоявших у столов, теснились голодные пролетарии. Они с жадностью утоляли голод, переговариваясь через всю комнату и перекидываясь незамысловатыми шутками.

В верхнем этаже имелась еще одна столовая, в которой

обедали только члены ЦИК. Впрочем, туда мог входить кто хотел. Здесь можно было получить хлеб, густо смазанный маслом, и любое количество стаканов чая.

В южном крыле второго этажа находился огромный зал пленарных заседаний. Во времена института здесь устраивались балы. Высокий белый зал, освещенный глазированными белыми канделябрами с сотнями электрических лампочек и разделенный двумя рядами массивных колонн. В конце зала – возвышение, по обеим его сторонам – высокие разветвленные канделябры. За возвышением – пустая золоченая рама, из которой вынут портрет императора. В дни торжеств на этом возвышении собирались вокруг великих княгинь офицеры в блестящих мундирах и духовенство в роскошных рясах.

Напротив зала находилась мандатная комиссия съезда Советов. Я стоял в этой комнате и глядел на прибывавших делегатов – дюжих бородатых солдат, рабочих в черных блузах, длиннобородых крестьян. Работавшая в комиссии девушка, член плехановской группы «Единство», презрительно усмехалась. «Совсем не та публика, что на первом съезде, – заметила она. – Какой грубый и отсталый народ! Темные люди...» В этих словах была правда. Революция всколыхнула Россию до самых глубин, и теперь на поверхность всплыли низы. Мандатная комиссия, назначенная старым ЦИК, отводила одного делегата за другим под предлогом, что они избраны незаконно. Но представитель большевист-

ского Центрального Комитета Карахан только посмеивался. «Ничего, – говорил он, – когда начнется съезд, вы все сядете на свои места...»

* * *

«Рабочий и Солдат» писал:

«Обращаем внимание делегатов нового Всероссийского съезда на попытку некоторых членов организационного Бюро сорвать съезд распространением слухов, что съезд не состоится, что делегатам лучше уехать из Петрограда... Не обращайтесь внимания на эту ложь... Наступают великие дни...».

Было совершенно ясно, что ко 2 ноября (20 октября) кворум еще не соберется. Поэтому открытие съезда отложили до 7 ноября (25 октября), но вся страна уже всколыхнулась, и меньшевики и эсеры, видя, что они побиты, резко переменили тактику. Они принялись слать отчаянные телеграммы своим провинциальным организациям, чтобы те посылали на съезд как можно больше делегатов из «умеренных» социалистов.

В то же время исполнительный комитет крестьянских Советов выпустил экстренное обращение о созыве крестьянского съезда на 13 декабря (30 ноября), чтобы парализовать какие бы то ни было действия, предпринимаемые рабочими и солдатами.

Что собирались делать большевики? По городу распространились слухи, что солдаты и рабочие готовят вооруженное выступление. Буржуазная и реакционная пресса предсказывала восстание и требовала от правительства, чтобы оно арестовало Петроградский Совет или по крайней мере не допустило бы открытия съезда. Листки вроде «Новой Руси» открыто призывали перебить всех большевиков.

Газета Горького «Новая Жизнь» вполне соглашалась с большевиками, что реакционеры намереваются раздавить революцию и что в случае необходимости им следует оказать вооруженное сопротивление. Но она полагала, что все партии революционной демократии должны образовать единый фронт:

«...Пока демократия не сплотила своих главных сил и пока сопротивление ее влиянию еще достаточно велико, ей невыгодно самой переходить в нападение. Но, если в нападение перейдут враждебные ей силы, революционной демократии придется вступить в борьбу, чтобы взять власть в свои руки. Тогда такой переход встретит поддержку самых широких слоев народа».

Горький утверждал, что как реакционные, так и правительственные газеты подстрекают большевиков к насилию. Но восстание только расчистило бы путь новому Корнилову. Горький требовал от большевиков, чтобы они опровергли слухи. Потресов напечатал в меньшевистском «Дне» сенсационную статью с приложением карты, которая якобы раз-

облачала секретный большевистский план операций.

Все стены Петрограда, как по волшебству, покрылись предостерегающими объявлениями, прокламациями и призывами от центральных комитетов «умеренных» и консервативных партий и ЦИК, клеймившими какие бы то ни было демонстрации, умолявшими рабочих и солдат не слушать агитаторов. Вот, например, воззвание военной секции партии социалистов-революционеров:

«...Снова идут по городу слухи о готовящихся выступлениях. Где источник этих слухов? Кем, какой организацией уполномочены говорящие о выступлении агитаторы?.. Большевики на запрос, обращенный к ним в ЦИК, ответили отрицательно...

Но эти слухи несут с собой большую опасность. Легко может случиться, что, не считаясь с настроением большинства рабочей, крестьянской и солдатской массы, отдельные горячие головы вызовут часть рабочих и солдат на улицу с призывом к восстанию.

В ужасное, тяжелое время, которое переживает революционная Россия, это выступление легко может стать началом гражданской войны и разрушения всех, созданных такими трудами организаций пролетариата, трудового крестьянства и армии... Они (контрреволюционеры. – *джон рид*) не замедлят воспользоваться выступлением, чтобы начать контрреволюционные погромы и в кровавой междоусобице сорвать выборы в Учредительное собрание. А тем временем

европейский контрреволюционер Вильгельм II готовит новые удары...

Никаких выступлений! Все на свои посты!...».

28 (15) октября я разговаривал в одном из коридоров Смольного с Каменевым, невысоким человеком с рыжеватой острой бородкой и оживленной жестикуляцией. Он был не вполне уверен, что на съезд соберется достаточно делегатов. «Если съезд состоится, – говорил он, – то он будет представлять основные настроения народа. Если большинство, как я полагаю, достанется большевикам, то мы потребуем, чтобы Временное правительство ушло в отставку и передало всю власть Советам...»

Володарский, высокий бледный болезненный юноша в очках, высказывался гораздо определеннее: «Либерданы и прочие соглашатели саботируют съезд. Но если им и удастся сорвать его, то ведь мы достаточно реальные политики, чтобы не останавливаться из-за таких вещей...».

* * *

Под 29 (16) октября в моей записной книжке находятся следующие выдержки из сообщений газет:

«Могилев. (Ставка верховного главнокомандующего.) Сюда стягиваются надежные гвардейские полки, «дикая дивизия», казачьи части и «батальоны смерти».

Правительство приказало юнкерам Павловского, Царско-

сельского и Петергофского училищ быть готовыми к выступлению в Петроград. Ораниенбаумские юнкера прибывают в город.

В Зимнем дворце расквартирована часть Петроградского броневого дивизиона.

Сестрорецкий казенный оружейный завод по приказу, подписанному Троцким, выдал делегатам петроградских рабочих несколько тысяч винтовок.

На митинге городской милиции Нижнелитейного района вынесена резолюция, требующая передачи всей власти Советам...».

И это лишь образчик беспорядочных событий тех лихорадочных дней. Все знали: что-то должно случиться, но никто не знал, что именно.

Ночью 30 (17) октября на заседании Петроградского Совета в Смольном Троцкий заклеил утверждения буржуазных газет, будто Совет готовит вооруженное восстание, как контрреволюционную попытку дискредитировать и сорвать съезд Советов. «Петроградский Совет, – говорил он, – не назначал никакого выступления. Но если выступление будет необходимо, то мы не остановимся перед ним, и мы будем поддержаны всем петроградским гарнизоном... Они (правительство) готовят контрреволюцию, и мы должны ответить на это решительным и беспощадным наступлением...»

Петроградский Совет действительно не назначал никакой демонстрации, но в Центральном Комитете большевистской

партии вопрос о восстании уже обсуждался. Комитет заседал всю ночь 23 (10) октября. Здесь был представлен весь интеллектуальный цвет партии, все ее вожди, а также делегаты от петроградских рабочих и гарнизона. Из интеллигентов за восстание стояли только Ленин и Троцкий. Даже военные были против. Состоялось голосование. Восстание было отвергнуто!

Тогда встал со своего места простой рабочий. Лицо его было перекошено яростью. «Я говорю от имени петроградского пролетариата, – резко заявил он. – Мы за восстание. Делайте как знаете, но заявляю вам, что если вы допустите разгон Советов, то нам с вами больше не по пути!» К нему присоединилось несколько солдат. После этого снова голосовали, и восстание было решено...

Тем не менее правое крыло большевиков, руководимое Рязановым, Каменевым и Зиновьевым, продолжало вести кампанию против вооруженного восстания. Утром 31(18) октября в «Рабочем Пути» появился первый отрывок ленинского «Письма к товарищам» – одного из самых дерзновенно смелых политических выступлений, какие когда-либо видел мир. В нем Ленин основательно доказывает необходимость восстания, подробно разбирая все возражения Каменева и Рязанова: «...Либо переход к либерданам и открытый отказ от лозунга «Вся власть Советам», либо восстание. Середины нет». В тот же день вождь кадетов Павел Милюков произнес громовую речь в Совете республики, клеймил Ско-

белевский наказ, как германофильский, заявлял, что «революционная демократия» губит Россию, высмеял Терещенко и прямо объявил, что предпочитает немецкую дипломатию русской... Левые скамьи гремели негодованием...

Со своей стороны правительство не могло не учитывать значения успехов большевистской пропаганды. 29 (16) октября соединенная комиссия правительства и Совета республики спешно провела два законопроекта, один из которых временно отдавал землю крестьянам, а другой требовал энергичной мирной внешней политики. На следующий день Керенский отменил смертную казнь на фронте. В тот же вечер с большой помпой открылось первое заседание новой «Комиссии по укреплению республиканского строя и борьбе с анархией и контрреволюцией», о которой в истории, впрочем, не сохранилось ни малейшего следа. На следующее утро я вместе с двумя другими корреспондентами интервьюировал Керенского последний раз, когда он принимал журналистов.

«Русский народ, – с горечью говорил он, – страдает от экономической разрухи и от разочарования в союзниках. Весь мир думает, что русская революция кончилась. Остерегайтесь ошибки. Русская революция только еще начинается...»

Слова более пророческие, чем, быть может, он думал сам.

Необычайно бурным было затянувшееся на всю ночь заседание Петроградского Совета от 30 (17) октября, на котором я присутствовал. Явились все «умеренные» социалисты-интеллигенты, офицеры, члены армейских комитетов и члены ЦИК. Против них страстно и просто выступали рабочие, крестьяне и рядовые солдаты.

Один крестьянин рассказал о беспорядках в Твери, которые, по его словам, были вызваны арестом земельных комитетов. «Этот Керенский только покрывает помещиков, – кричал он. – Они знают, что Учредительное собрание все равно отнимет у них землю, и потому хотят сорвать его!»

Механик с Путиловского завода рассказал, как управляющие закрывали один цех за другим под предлогом отсутствия топлива и сырья. Фабрично-заводской комитет, по его словам, разыскал огромные припрятанные запасы.

«Это провокация, – заявил он. – Они хотят уморить нас голодом или вынудить к насилию!»

Один из солдат начал так: «Товарищи! Я привез вам привет с того места, где люди роют себе могилы и называют их окопами!»

Затем поднялся высокий худощавый молодой солдат с горящими глазами. Его встретили восторженными аплодисментами. То был Чудновский, который считался убитым в

июльском наступлении, а теперь точно воскрес из мертвых.

«Солдатская масса больше не доверяет своим офицерам. Нас предают даже армейские комитеты: они отказываются созывать заседания нашего Совета... Солдатская масса требует, чтобы Учредительное собрание было открыто точно в срок, на который оно назначено, и тот, кто попытается отложить его, будет проклят – и проклят не только платонически, потому что у армии еще есть пушки...»

Он говорил о том, с каким ожесточением проходили в В армии выборы в Учредительное собрание. «Офицеры, особенно меньшевики и эсеры, нарочно стараются подводить большевиков под пули. Наших газет не пропускают в окопы, наших ораторов арестовывают!...»

«Почему вы не говорите об отсутствии хлеба?» – крикнул какой-то солдат.

«Не хлебом единым жив человек!» – сурово ответил Чудновский.

Вслед за ним выступил офицер, меньшевик-оборонец, делегат Витебского Совета.

«Дело не в том, у кого власть. Беда наша не в правительстве, а в войне... но войну необходимо выиграть до всяких перемен...» Крики, иронические аплодисменты. «Эти большевистские агитаторы – демагоги!» Зал разражается хохотом. «Забудем на время классовую борьбу...» Дальше ему не дали говорить. Выкрик с места: «Да, этого вы очень хотите!»...

В эти дни Петроград представлял собой замечательное зрелище. На заводах помещения комитетов были завалены винтовками. Приходили и уходили связные, обучалась Красная Гвардия... Во всех казармах днем и ночью шли митинги, бесконечные и горячие споры. По улицам в густевшей вечерней тьме плыли густые толпы народа. Словно волны прилива, двигались они вверх и вниз по Невскому. Газеты брались с боя... Грабежи дошли до того, что в боковых улочках было опасно показываться... Однажды днем на Садовой я видел, как толпа в несколько сот человек избила до смерти солдата, пойманного на воровстве...

Какие-то таинственные личности шныряли вокруг хлебных и молочных хвостов и нашептывали несчастным женщинам, дрожавшим под холодным дождем, что евреи припрятывают продовольствие и что, в то время как народ голодает, члены Совета живут в роскоши.

В Смольном у главного входа и у внешних ворот стояли суровые часовые, требовавшие от всех проходящих пропуск. Комитетские комнаты круглые сутки гудели, как улей, сотни солдат и рабочих спали тут же на полу, занимая все свободные места. А наверху тысячи людей сгрудились в огромном зале на бурных заседаниях Петроградского Совета.

Игорные клубы лихорадочно работали от зари до зари; шампанское текло рекой, ставки доходили до двухсот тысяч рублей. По ночам в центре города бродили по улицам и заполняли кофейни публичные женщины в бриллиантах и дра-

гоценных мехах...

Монархические заговоры, германские шпионы, головокружительные планы спекулянтов и контрабандистов...

Под холодным, пронизывающим дождем, под серым тяжелым небом огромный взволнованный город неся все быстрее и быстрее навстречу... чему?..

Накануне

В отношениях между слабым правительством и восставшим народом рано или поздно наступает момент, когда каждый шаг власти приводит массы в ярость, а каждый ее отказ от действий возбуждает в них презрение.

Проект эвакуации Петрограда вызвал бурю негодования. Публичное заявление. Керенского, что правительство вовсе не имело подобного намерения, было встречено градом насмешек.

«Припертое к стене натиском революции, – гремел «Рабочий Путь», – правительство буржуазных временщиков пробует извернуться, швыряя лживыми уверениями о том, что оно не собиралось бежать из Петрограда и не хотело сдавать столицу...».

В Харькове тридцать тысяч горнорабочих организовались и приняли тот вводный пункт устава «Индустриальных рабочих мира», который гласит: «Класс рабочих и класс предпринимателей не имеют между собой ничего общего». Организация была разгромлена казаками, многих горняков прогнали с работы, оставшиеся объявили всеобщую забастовку. Министр торговли и промышленности Коновалов послал своего заместителя Орлова прекратить беспорядки и снабдил его широкими полномочиями. Горняки ненавидели Орлова. А ЦИК не только поддержал это назначение, но и

отказался потребовать вывода казаков из Донецкого бассейна...

За этим последовал разгром Калужского Совета. Большевики, завоевав большинство в этом Совете, добились освобождения нескольких политических заключенных. Городская Дума с согласия правительственного комиссара вызвала из Минска войска, которые подвергли Совет артиллерийскому обстрелу. Большевики уступили, но в тот момент, когда они выходили из здания Совета, казаки набросились на них с криком: «Вот что будет со всеми прочими большевистскими Советами, и с Московским и Петроградским!» Этот инцидент взволновал всю Россию...

В Петрограде заканчивался съезд Советов Северной области, на котором представлял большевик Крыленко. Подавляющим большинством голосов съезд вынес решение о передаче всей власти Всероссийскому съезду Советов. Перед тем как разойтись, съезд послал приветствие арестованным большевикам, возвещая, что час их освобождения близок. В то же время Первая всероссийская конференция фабрично-заводских комитетов категорически высказалась за Советы, приняв такую резолюцию:

«...Низвергнув самодержавие в политической области, рабочий класс стремится доставить торжество демократическому строю и в области своей производительной деятельности. Выражением этого стремления является идея рабочего контроля, естественно возникшая в обстановке хозяйствен-

ного развала, созданного преступной политикой господствующих классов...».

Союз железнодорожников потребовал отставки министра путей сообщения Ливеровского.

Скобелев от имени ЦИК настаивал, чтобы наказ был представлен Общесоюзной конференции, и формально протестовал против посылки Терещенко в Париж. Терещенко предложил свою отставку...

Генерал Верховский, не будучи в состоянии провести в жизнь задуманную им реорганизацию армии, только изредка появлялся на заседаниях совета министров...

3 ноября (21 октября) бурцевское «Общее Дело» вышло со следующим воззванием, напечатанным крупным шрифтом:

«Граждане! Спасайте Россию!

Я только что узнал, что вчера в заседании комиссии по обороне в Совете республики военный министр генерал Верховский, один из главных виновников гибели ген. Корнилова, предложил заключить мир с немцами тайно от союзников...

Это измена России!

Терещенко заявил, что предложение генерала Верховского даже и не обсуждалось во Временном правительстве.

Это, сказал М. И. Терещенко, какой-то сумасшедший дом.

Члены комиссии от слов генерала Верховского пришли в

ужас...

Ген. Алексеев плакал.

Нет! Это не сумасшедший дом! Это хуже всякого сумасшедшего дома! Это прямая измена России!

За слова Верховского должны немедленно дать нам ответ Керенский, Терещенко и Некрасов.

Граждане, все на ноги.

Россию предают.

Спасайте ее!»

Но на самом деле Верховский говорил только то, что необходимо побудить союзников поторопиться с мирными предложениями, потому что русская армия больше воевать не может.

Сенсация в России и за границей была колоссальная. Верховский получил «отпуск по болезни на неопределенный срок» и вышел из правительства. «Общее Дело» было закрыто...

* * *

На воскресенье 4 ноября (22 октября) был назначен «День Петроградского Совета» с грандиозными митингами по всему городу. Эти митинги были назначены под предлогом денежных сборов на советские организации и советскую печать; на самом деле они должны были стать демонстрацией силы. Вдруг появилось сообщение, что казаки назначили на

тот же день крестный ход в честь чудотворной иконы, спасшей Москву от Наполеона в 1812 г. Атмосфера была насыщена электричеством; малейшая искра могла зажечь пожар гражданской войны. Петроградский Совет выпустил следующее воззвание под заголовком «Братья казаки!»:

«...Вас, казаки, хотят восстановить против нас, рабочих и солдат. Эту каинову работу совершают наши общие враги: насильники-дворяне, банкиры, помещики, старые чиновники, бывшие слуги царские... Нас ненавидят все ростовщики, богачи, князья, дворяне, генералы и в их числе ваши, казачьи, генералы. Они готовы в любой час уничтожить Петроградский Совет, задушить революцию...

22 октября устраивается кем-то казачий крестный ход. Дело свободной совести каждого казака участвовать или не участвовать в крестном ходе. Мы в это дело не вмешиваемся и никаких препятствий никому не чиним...»

Крестный ход был спешно отменен...

В казармах и рабочих кварталах большевики проповедовали свой лозунг «Вся власть Советам!», а агенты темных сил подстрекали народ резать евреев, лавочников и социалистических вождей...

С одной стороны, погромные статьи монархической печати, с другой стороны, громовой голос Ленина: «Восстание!.. Больше ждать нельзя!»

Даже буржуазная печать заволновалась. «Биржевые Ведомости» называли большевистскую пропаганду покушением

на «основные устои общества, на неприкосновенность личности и уважение к частной собственности».

Но больше всех источали ненависть «умеренно»-социалистические газеты. «Большевики – это самые опасные враги революции», – заявляло «Дело Народа». Меншевистский «День» говорил: «Правительство обязано защищаться и защищать нас». Плехановская газета «Единство» 4 обращала внимание правительства на то обстоятельство, что петроградские рабочие уже вооружились, и требовала решительных мер против большевиков.

А правительство с каждым днем становилось все беспомощней. Даже городское самоуправление разваливалось. Газетные столбцы пестрели сообщениями о самых дерзких грабежах и убийствах, а преступники оставались безнаказанными...

Но, с другой стороны, вооруженные рабочие патрули по ночам уже охраняли улицы, разгоняя мародеров и реквизируя оружие, какое только попадало им в руки.

1 ноября (19 октября) главнокомандующий Петроградским военным округом полковник Полковников издал следующий приказ:

«Несмотря на тяжкие дни, переживаемые страной, в Петрограде продолжают безответственные призывы к вооруженным выступлениям и погромам и вместе с тем с каждым днем усиливаются грабежи и бесчинства.

Такое положение дезорганизует жизнь граждан и меша-

ет планомерной работе правительственных и общественных органов.

В сознании ответственности и долга перед родиной приказываю:

1) каждой воинской части согласно особым распоряжениям в пределах района своего расположения оказывать всемерное содействие органам городского самоуправления, комиссарам и милиции в охране государственных и общественных учреждений;

2) совместно с районным комендантом и представителем городской милиции организовать патрули и принять меры к задержанию преступных элементов и дезертиров;

3) всех лиц, являющихся в казармы и призывающих к вооруженному выступлению и погромам, арестовывать и отправлять в распоряжение 2-го коменданта города;

4) уличных манифестаций, митингов и процессий не допускать;

5) вооруженные выступления и погромы немедленно пресекать всеми имеющимися в распоряжении вооруженными силами;

6) оказывать содействие комиссарам в недопущении самочинных обысков, арестов;

7) обо всем происходящем в районе расположения частей немедленно доносить в штаб округа.

Комитеты частей и все, войсковые организации приказываю оказывать содействие командирам при выполнении ими воз-

ложенных на них задач».

В Совете республики Керенский заявил, что Временное правительство вполне осведомлено о большевистской пропаганде и что оно достаточно сильно, чтобы справиться с любой демонстрацией. Он обвинял «Новую Русь» и «Рабочий Путь» в одних и тех же преступных деяниях. «Но абсолютная свобода печати, – продолжал он, – не дает правительству возможности принять меры против печатной лжи...» Заявляя, что большевизм и монархизм – только различные проявления одной и той же пропаганды в интересах контрреволюции, столь желанной для темных сил, он продолжал:

«Я человек обреченный, мне все равно, что со мной будет, и я имею смелость заявить, что все загадочное в событиях объясняется невероятной провокацией, созданной в городе большевиками».

* * *

...Все ждали, что в один прекрасный день на улицах неожиданно появятся большевики и примутся расстреливать всех людей в белых воротничках. Но на самом деле восстание произошло крайне просто и вполне открыто.

Временное правительство собиралось отправить петроградский гарнизон на фронт.

Петроградский гарнизон насчитывал около шестидесяти тысяч человек и сыграл в революции выдающуюся роль.

Именно он решил дело в великие Февральские дни, он создал Советы солдатских депутатов, он отбросил Корнилова от подступов к Петрограду.

Теперь в нем было очень много большевиков. Когда Временное правительство заговорило об эвакуации города, то именно петроградский гарнизон ответил ему: «Одно из двух... правительство, неспособное оборонить столицу, должно либо заключить немедленный мир, либо, если оно неспособно заключить мир, оно должно убраться прочь и очистить место подлинно народному правительству...».

Было очевидно, что любая попытка восстания всецело зависит от поведения петроградского гарнизона. План правительства заключался в замене полков гарнизона «надежными» частями – казаками, «батальонами смерти». Комитеты отдельных армий, «умеренные» социалисты и ЦИК поддерживали правительство. На фронте и в Петрограде велась широкая агитация: говорили, что вот уже восемь месяцев, как петроградский гарнизон бездельничает и прохлаждается в столичных казармах, а в это время на фронте армия голодает и вымирает без смены и подкреплений.

Разумеется, в словах людей, обвинявших петроградский гарнизон в нежелании менять относительное довольство на ужасы зимней кампании, была известная доля правды. Но для отказа идти на фронт существовали и другие основания. Петроградский Совет опасался замыслов правительства, а между тем с фронта являлись сотни делегатов от рядовых

солдат, которые в один голос заявляли: «Правда, нам нужны подкрепления, но еще нужнее нам знать, что здесь, в Петрограде, революция находится под надежной защитой... Держите тыл, товарищи, а мы будем держать фронт...».

25 (12) октября исполнительный комитет Петроградского Совета обсуждал при закрытых дверях вопрос об организации особого военного комитета. На следующий день солдатская секция Петроградского Совета выбрала комитет, который немедленно объявил все буржуазные газеты под бойкотом и вынес ЦИК порицание за его борьбу против съезда Советов. 29 (16) октября Троцкий на открытом заседании Петроградского Совета предложил формально утвердить Военно-революционный комитет.

«Мы должны, – сказал он, – создать специальную организацию, чтобы идти за ней в бой и умереть, если это понадобится...» Было решено послать на фронт две делегации для переговоров с солдатскими комитетами и ставкой – одну от Совета, а другую от гарнизона.

В Пскове делегация Совета была принята командующим Северным фронтом генералом Черемисовым, который коротко заявил, что он уже приказал петроградскому гарнизону занять место в окопах и что больше говорить не о чем. Делегации от гарнизона не было разрешено выехать из Петрограда...

Делегация солдатской секции Петроградского Совета просила, чтобы ее представитель был допущен в штаб Петро-

градского округа. Отказ. Петроградский Совет потребовал, чтобы без одобрения солдатской секции не издавалось ни одного приказа. Отказ. Делегатам грубо заявили: «Мы признаем только ЦИК. Вас мы не признаем, и, если вы нарушите какой-нибудь закон, мы вас арестуем».

30 (17) октября собрание представителей всех петроградских полков приняло следующую резолюцию: «Петроградский гарнизон больше не признает Временного правительства. Наше правительство – Петроградский Совет. Мы будем подчиняться только приказам Петроградского Совета, изданным его Военно-революционным комитетом». Местным военным частям было приказано ждать указаний от солдатской секции Петроградского Совета.

На следующий день ЦИК созвал свое собственное собрание, состоявшее в огромном большинстве из офицеров, создал особый комитет для совместной работы со штабом и разослал во все районы Петрограда своих комиссаров.

3 ноября (21 октября) огромный солдатский митинг в Смольном постановил:

«Приветствуя образование Военно-революционного комитета при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов, гарнизон Петрограда и его окрестностей обещает Военно-революционному комитету полную поддержку во всех его шагах, направленных к тому, чтобы теснее связать фронт с тылом в интересах революции.

Вместе с тем петроградский гарнизон заявляет: на страже

революционного порядка в Петрограде стоит весь гарнизон вместе с организованным пролетариатом. Всякие провокационные попытки со стороны корниловцев и буржуазии внести смуту и расстройство в революционные ряды встретят беспощадный отпор».

Чувствуя свою силу, Военно-революционный комитет решительно потребовал, чтобы штаб Петроградского округа подчинялся его распоряжениям. Он разослал по всем типографиям приказ не печатать без его утверждения никаких призывов или прокламаций. В Кронверкский арсенал явились вооруженные комиссары и захватили огромное количество оружия и снаряжения, приостановив отправку десяти тысяч штыков, уже наряженных в Новочеркасск, штаб-квартиру Каледина...

Внезапно очутившись перед лицом опасности, правительство обещало комитету безнаказанность в случае, если он добровольно разойдется. Слишком поздно. В полночь 5 ноября (23 октября) Керенский сам послал в Петроградский Совет Малевского с предложением направить представителя в штаб. Военно-революционный комитет ответил согласием, но через час исполняющий обязанности военного министра генерал Маниковский взял предложение обратно...

* * *

3 ноября (21 октября) вожди большевиков собрались на

свое историческое совещание. Оно шло при закрытых дверях. Я был предупрежден Залкиным и ждал результатов совещания за дверью, в коридоре. Володарский, выйдя из комнаты, рассказал мне, что там происходит.

Ленин говорил: «24 октября будет слишком рано действовать: для восстания нужна всероссийская основа, а 24-го не все еще делегаты на Съезд придут. С другой стороны, 26 октября будет слишком поздно действовать: к этому времени Съезд организуется, а крупному организованному собранию трудно принимать быстрые и решительные мероприятия. Мы должны действовать 25 октября – в день открытия Съезда, так, чтобы мы могли сказать ему: Вот власть! Что вы с ней сделаете?».

В одной из комнат верхнего этажа сидел тонколицый, длинноволосый человек, математик и шахматист, когда-то офицер царской армии, а потом революционер и ссыльный, некто Овсеенко, по кличке Антонов. Математик и шахматист, он был поглощен разработкой планов захвата столицы.

Со своей стороны готовилось к бою и правительство. К Петрограду незаметно стягивались самые надежные полки, выбранные из разбросанных по всему фронту дивизий. В Зимнем дворце расположилась юнкерская артиллерия. На улицах впервые с дней июльского восстания появились казачьи патрули. Полковников издавал приказ за приказом, угрожая подавить малейшее неповиновение «самыми энергичными репрессиями». Наиболее ненавистный член пра-

вительства – министр народного просвещения Кишкин был утвержден чрезвычайным комиссаром по охране порядка в Петрограде. Он назначил своими помощниками столь же мало популярных Рутенберга и Нальчикского. Петроград, Кронштадт и Финляндия были объявлены на военном положении. Буржуазное «Новое Время» иронически заявляло по этому поводу:

«Почему осадное положение? Правительство уже перестало быть властью, оно не обладает ни моральным авторитетом, ни необходимым аппаратом, который дал бы ему возможность применить силу... В самом лучшем случае оно может только вести переговоры с теми, кто согласится разговаривать с ним. Другой власти у него нет...».

В понедельник 5 ноября (23 октября), утром, я заглянул в Мариинский дворец, чтобы узнать, что делается в Совете Российской республики. Ожесточенные споры о внешней политике Терещенко. Отклики на инцидент Бурцев – Верховский. Присутствуют все дипломаты, кроме итальянского посла, о котором говорили, что он совершенно разбит катастрофой при Карсо...

В момент, когда я входил, левый эсер Карелин читал вслух передовицу лондонского «Times»), в которой говорилось: «Большевизм надо лечить пулями».

Повернувшись к кадетам, Карелин кричал: «Это также ваши мысли!».

Голоса справа: «Да! Да!».

«Да, я знаю, что вы так думаете, – горячо ответил Карелин. – Но посмейте только попробовать на деле!» Затем Скобелев, похожий на светского ухажера, с выхоленной белокурой бородой и желтыми волнистыми волосами, извиняющимся тоном защищал советский наказ. Вслед за ним выступил Терещенко, встреченный слева криками: «В отставку! В отставку!». Он настаивал на том, что на Парижской конференции делегаты правительства и ЦИК должны защищать общую точку зрения и именно точку зрения его, Терещенко. Несколько слов о восстановлении дисциплины в армии, о войне до победы... Совет Российской республики среди шума и бурных протестов слева переходит к порядку дня.

Большевицкие скамьи были пусты, пусты с самого дня открытия Совета, когда большевики покинули его, унося с собой всю жизненность. Спускаясь вниз, я думал о том, что, несмотря на все эти ожесточенные споры, ни один живой голос из реального внешнего мира не может проникнуть в этот высокий холодный зал и что Временное правительство уже разбилось о ту самую скалу войны и мира, которая в свое время погубила министерство Милюкова... Подавая мне пальто, швейцар ворчал: «Ох, что-то будет с несчастной Россией!.. Меньшевики, большевики, трудовики... Украина, Финляндия, германские империалисты, английские империалисты... Сорок пять лет живу на свете, а никогда столько слов не слышал».

В коридоре мне встретился профессор Шацкий, очень

влиятельный в кадетских кругах господин с крысиным лицом, в изящном сюртуке. Я спросил его, что он думает о большевистском выступлении, о котором столько говорят. Он пожал плечами и усмехнулся.

«Это скоты, сволочь, — ответил он. — Они не посмеют, а если и посмеют, то мы им покажем!.. С нашей точки зрения, это даже не плохо, потому что они провалятся со своим выступлением и не будут иметь никакой силы в Учредительном собрании...»

Но, дорогой сэръ, позвольте мне вкратце обрисовать вам мой план организации нового правительства, который будет предложен Учредительному собранию. Видите ли, я председатель комиссии, образованной Советом республики совместно с Временным правительством для выработки конституционного проекта... У нас будет двухпалатное законодательное собрание, такое же, как у вас, в Соединенных Штатах. Нижняя палата будет состоять из представителей мест, а верхняя — из представителей свободных профессий, земств, кооперативов и профессиональных союзов...»

* * *

На улице дул с запада сырой холодный ветер. Холодная грязь просачивалась сквозь подметки. Две роты юнкеров, мерно печатая шаг, прошли вверх по Морской. Их ряды стройно колыхались на ходу; они пели старую солдатскую

песню царских времен... На первом же перекрестке я заметил, что милиционеры были посажены на коней и вооружены револьверами в блестящих новеньких кобурах. Небольшая группа людей молчаливо глядела на них. На углу Невского я купил ленинскую брошюру «Удержат ли большевики государственную власть?» и заплатил за нее бумажной маркой; такие марки ходили тогда вместо разменного серебра. Как всегда, ползли трамваи, облепленные снаружи штатскими и военными в таких позах, которые заставили бы позеленеть от зависти акробата Теодора Шонта... Вдоль стен стояли рядами дезертиры, одетые в военную форму и торговавшие папиросами и подсолнухами.

По всему Невскому в густом тумане толпы народа с бою разбирали последние выпуски газет или собирались у афиш, пытались разобраться в призывах и прокламациях, которыми были заклеены все стены. Здесь были прокламации ЦИК, крестьянских Советов, «умеренно»-социалистических партий, армейских комитетов, все угрожали, умоляли, заклинали рабочих и солдат сидеть дома, поддерживать правительство...

Какой-то броневик все время медленно двигался взад и вперед, завывая сиреной. На каждом углу, на каждом перекрестке собирались густые толпы. Горячо спорили солдаты и студенты. Медленно спускалась ночь, мигали редкие фонари, текли бесконечные волны народа... Так всегда бывало в Петрограде перед беспорядками.

Город был настроен нервно и настораживался при каждом резком шуме. Но большевики не подавали никаких внешних признаков жизни; солдаты оставались в казармах, рабочие – на фабриках... Мы зашли в кинематограф у Казанского собора. Шла итальянская картина, полная крови, страстей и интриг. В переднем ряду сидело несколько матросов и солдат. Они с детским изумлением смотрели на экран, решительно не понимая, для чего понадобилось столько беготни и столько убийств.

Из кинематографа я поспешил в Смольный. В 10-й комнате, на верхнем этаже, шло непрерывное заседание Военно-революционного комитета. Председательствовал светловолосый юноша лет восемнадцати, по фамилии Лазимир. Проходя мимо меня, он остановился и несколько робко пожал мне руку.

«Петропавловская крепость уже перешла на нашу сторону! – с радостной улыбкой сказал он. – Мы только что получили вести от полка, посланного правительством в Петроград на усмирение. Солдаты стали подозревать, что тут не все чисто, остановили поезд в Гатчине и послали к нам делегатов. «В чем дело? – спросили они нас. – Что вы нам скажете? Мы уже вынесли резолюцию «Вся власть Советам»». Военно-революционный комитет ответил им: «Братья, приветствуем вас от имени революции! Стойте на месте и ждите приказа»».

«Все наши телефонные провода, – сообщил он, – перере-

заны. Однако военные телефонисты наладили полевой телефон для сообщения с заводами и казармами...»

В комнату беспрерывно входили и выходили связные и комиссары. За дверями дежурило двенадцать добровольцев, готовых в любую минуту помчаться в самую отдаленную часть города. Один из них – человек с цыганским лицом и в форме, поручика сказал мне по-французски: «Все готовы выступить по первому знаку».

Проходили: Подвойский, худой, бородатый штатский человек, в мозгу которого созревали оперативные планы восстания; Антонов, небритый, в грязном воротничке, шатающийся от бессонницы; Крыленко, коренастый, широколицый солдат с постоянной улыбкой; Дыбенко, огромный бородатый матрос со спокойным лицом. Таковы были люди этой битвы за власть Советов и грядущих битв...

В зале я встретил несколько менее видных большевистских деятелей. Один из них показал мне револьвер. «Началось! – сказал он. Лицо его было бледно. – Выступим ли мы или нет, но враг уже знает, что ему пора покончить с нами или погибнуть самому».

Петроградский Совет заседал круглые сутки без перерыва. Когда я вошел в большой зал, Троцкий как раз кончал свою речь. «Нас спрашивают, – говорил он, – собираемся ли мы устроить выступление. Я могу дать ясный ответ на этот вопрос. Петроградский Совет сознает, что наступил, наконец, момент, когда вся власть должна перейти в руки Со-

ветов. Эта перемена власти будет осуществлена Всероссийским съездом. Понадобится ли вооруженное выступление – это будет зависеть от тех, кто хочет сорвать Всероссийский съезд.

Нам ясно, что наше правительство, представленное личным составом временного кабинета, есть правительство жалкое и бессильное, что оно только ждет взмаха метлы истории, чтобы уступить свое место истинно народной власти. Но мы еще теперь, еще сегодня пытаемся избежать столкновения. Мы надеемся, что Всероссийский съезд Советов возьмет в руки власть, опирающуюся на организованную свободу всего народа. Но если правительство захочет использовать то краткое время – 24, 48 или 72 часа, которое еще отделяет его от смерти, для того чтобы напасть на нас, то мы ответим контратакой. На удар ударом, на железо – сталью!»

Под гром аплодисментов Троцкий сообщает, что левые эсеры согласились послать своих представителей в Военно-революционный комитет.

Уходя из Смольного в 3 часа утра, я заметил, что по обеим сторонам входа стояли пулеметы и что ворота и ближайшие перекрестки охранялись сильными солдатскими патрулями. Вверх по лестнице взбегал Билль Шатов. «Ну, – крикнул он, – мы начали! Керенский послал юнкеров закрыть наши газеты «Солдат» и «Рабочий Путь». Но тут пришел наш отряд и сорвал казенные печати, а теперь мы посылаем людей для захвата буржуазных редакций!» Он радостно похло-

пал меня по плечу и побежал дальше...

* * *

Утром 6 ноября (24 октября) у меня было дело к цензору, канцелярия которого помещалась в министерстве иностранных дел. На улицах все стены были заклеены прокламациями, истерически призывавшими народ к «спокойствию». Полковников выпускал приказ за приказом:

«Приказываю всем частям и командам оставаться в занимаемых казармах впредь до получения приказа из штаба округа.

Всякие самостоятельные выступления запрещаю.

Все офицеры, выступившие помимо приказа своих начальников, будут преданы суду за вооруженный мятеж.

Категорически запрещаю исполнение войсками каких-либо приказов, исходящих из различных организаций...».

Утренние газеты сообщили, что правительство запретило газеты «Новая Русь», «Живое Слово», «Рабочий Путь» и «Солдат» и постановило арестовать руководителей Петроградского Совета и членов Военно-революционного комитета.

Когда я пересекал Дворцовую площадь, под аркой генерального штаба с грохотом проскакали несколько батарей юнкерской артиллерии и выстроились перед дворцом. Огромное красное здание генерального штаба казалось

необычайно оживленным. Перед дверями стояло несколько автомобилей; непрерывно подъезжали и уезжали все новые автомобили с офицерами. Цензор был взволнован, как маленький мальчик, которого привели в цирк. «Керенский, – сказал он мне, – только что ушел в Совет республики подавать в отставку!» Я поспешил в Мариинский дворец и успел застать конец страстной и почти бессвязной речи Керенского, целиком состоявшей из самооправданий и желчных нападок на политических противников.

«Для того чтобы не быть голословным, – говорил Керенский, – я процитирую вам здесь наиболее определенные места из ряда прокламаций, которые помещались разыскиваемым, но скрывающимся государственным преступником Ульяновым-Лениным в газете «Рабочий Путь». В ряде прокламаций под заглавием «Письмо к товарищам» данный государственный преступник призывал петербургский пролетариат и войска повторить опыт 3 – 5 июля и доказывал необходимость приступить к немедленному вооруженному восстанию...

Одновременно с этими воззваниями происходит ряд выступлений других руководителей партии большевиков на собраниях и митингах, на которых они также призывают к немедленному вооруженному восстанию. В особенности в этом отношении нужно отметить выступление председателя Совета рабочих и солдатских депутатов в Петербурге Бронштейна-Троцкого...

В целом ряде выступлений статьи «Рабочего Пути» и «Солдата» по слогу и стилю совпадают со статьями «Новой Руси».

Мы имеем дело не столько с движением той или иной политической партии, сколько с использованием политического невежества и преступных инстинктов части населения; мы имеем дело с особой организацией, ставящей себе целью во что бы то ни стало вызвать в России стихийную волну разрушения и погромов.

При теперешнем настроении масс открытое движение в Петербурге неизбежно будет сопровождаться тягчайшими явлениями погромов, которые опозорят навсегда имя свободной России.

Весьма типично, что, по признанию самого организатора восстания Ульянова-Ленина, «положение русских крайних левых социал-демократических флангов особенно благоприятно»...»

Здесь Керенский огласил следующую цитату из статьи Ленина:

«Подумайте только: немцы при дьявольски трудных условиях, имея одного Либкнехта (да и то в каторге), без газет, без свободы собраний, без Советов, при невероятной враждебности всех классов населения вплоть до последнего зажиточного крестьянина, идее интернационализма, при великолепной организованности империалистской крупной, средней и мелкой буржуазии, немцы, т. е. немецкие револю-

ционеры-интернационалисты, рабочие, одетые в матросские куртки, устроили восстание во флоте – с шансами разве один на сотню.

А мы, имея десятки газет, свободу собраний, имея большинства в Советах, мы, наилучше поставленные во всем мире пролетарские интернационалисты, мы откажемся от поддержки немецких революционеров нашим восстанием».

* * *

Керенский продолжал:

«Сами организаторы, таким образом, признают, что условия политические для свободы деятельности всех политических партий наиболее совершенны в настоящее время в России, при управлении настоящего Временного правительства, во главе которой стоит, по мнению партии большевиков, узурпатор и человек, продавшийся буржуазии, министр-председатель Керенский...

Организаторы восстания не содействуют пролетариату Германии, а содействуют правящим классам Германии, открывают фронт русского государства перед бронированным кулаком Вильгельма и его друзей... Для Временного правительства безразличны мотивы, безразлично, сознательно или бессознательно это, но во всяком случае в сознании своей ответственности я с этой кафедры квалифицирую такие действия русской политической партии как предатель-

ство и измену Российскому государству... Я становлюсь на юридическую точку зрения: мною и предложено немедленно начать соответствующее судебное следствие, предложено также произвести соответствующие аресты (шум слева не дает Керенскому говорить). Да, слушайте! – громовым голосом воскликнул Керенский, – в настоящее время, когда государство от сознательного или бессознательного предательства погибает и находится на краю гибели, Временное правительство, и я в том числе, предпочитаем быть убитыми и уничтоженными, но жизнь, честь и независимость государства мы не предадим...».

В этот момент Керенскому передали какой-то листок. «Мне сейчас представлена копия того документа, который рассылается сейчас по полкам». И он прочел вслух:

«Петроградскому Совету грозит опасность... Предписываю привести полк в полную боевую готовность и ждать дальнейших распоряжений. Всякое промедление и неисполнение приказа будет считаться изменой революции. За председателя Подвойский. Секретарь Антонов».

«...В действительности, – продолжал Керенский, – это есть попытка поднять чернь против существующего порядка, сорвать Учредительное собрание и раскрыть русский фронт перед сплоченными полками железного кулака Вильгельма. Я говорю с совершенным сознанием «чернь», потому что вся сознательная демократия и ее ЦИК, все армейские организации, все, чем гордится и должна гордиться свобод-

ная Россия, – разум, совесть и честь великой русской демократии протестуют против этого...

Я пришел сюда не с просьбой, а с уверенностью, что Временное правительство, которое в настоящее время защищает эту новую свободу... встретит единодушную поддержку всех, за исключением людей, не решающихся никогда высказать смело правду в глаза...

Временное правительство никогда не нарушало свободы граждан государства и их политических прав.

Но в настоящее время Временное правительство заявляет, что те элементы русского общества, те группы и партии, которые осмеливаются поднять руку на свободную волю русского народа, угрожая одновременно с этим раскрыть фронт Германии, подлежат немедленной, решительной и окончательной ликвидации... Пусть население Петрограда знает, что оно встретит власть решительную, и, может быть, в последний час или минуты разум, совесть и честь победят в сердцах тех, у кого они еще сохранились...».

* * *

На протяжении всей этой речи зал гремел и бушевал. Когда бледный и задыхающийся министр-председатель смолк и вместе со своей офицерской свитой покинул зал, на трибуне стали один за другим появляться ораторы слева. Они резко и возмущенно нападали на правых. Даже социалисты-рево-

люционеры заявили устами Гоца:

«Политика большевиков, играющих на народном недовольстве, демагогична и преступна. Но несомненно, что целый ряд народных требований до сих пор остается без удовлетворения... Вопросы о мире, о земле и о демократизации армии должны быть поставлены в такой форме, чтобы ни один солдат, рабочий или крестьянин не мог питать никакого сомнения в том, что правительство твердо и неуклонно стремится к действительному разрешению этих вопросов...

Мы и меньшевики не желаем создавать министерский кризис, мы готовы всеми силами, до последней капли крови, защищать Временное правительство, но это только в том случае, если Временное правительство выскажется по всем этим жгучим вопросам теми точными и ясными словами, которых народ ожидает с таким нетерпением...».

Затем выступил Мартов, полный гнева: «Слова министра-председателя, позволившего себе говорить о движении черни, когда речь идет о движении значительной части пролетариата и армии, хотя бы и направленном к ошибочным целям, являются словами вызова гражданской войны». (Аплодисменты слева.)

Формула перехода, предложенная левыми, была принята. Она фактически равнялась выражению недоверия правительству:

«1) Подготавливающееся за последние дни вооруженное выступление, имеющее целью захват власти, грозит вызвать

гражданскую войну, создает благоприятные условия для погромного движения и мобилизации черносотенных контрреволюционных сил и неминуемо влечет за собой срыв Учредительного собрания, новые военные катастрофы и гибель революции в обстановке паралича хозяйственной жизни и полного развала страны.

2) Почва для успеха указанной агитации создана помимо объективных условий войны и разрухи промедлением в проведении неотложных мер, и потому необходимы прежде всего немедленный декрет о передаче земель в ведение земельных комитетов и решительное выступление по внешней политике с предложением к союзникам провозгласить условия мира и начать мирные переговоры.

3) Для борьбы с активным проявлением анархии и погромного движения необходимо немедленное принятие мер к их ликвидации и создание для этой цели в Петрограде Комитета общественного спасения из представителей городского самоуправления и органов революционной демократии, действующего в контакте с Врем. правительством...».

Любопытно отметить, что за эту резолюцию голосовали также меньшевики и эсеры... Однако, когда Керенский узнал об этом, он пригласил Авксентьева для объяснений в Зимний дворец. «Если эта резолюция является выражением недоверия Временному правительству, – заявил он Авксентьеву, – то я предлагаю вам составить новый кабинет». Тогда соглашательские вожди Дан, Год и Авксентьев совершили

свое последнее «соглашение»... Они разъяснили Керенскому, что эта резолюция не означает критики действий правительства...

* * *

На углу Морской и Невского отряды солдат, вооруженных винтовками с примкнутыми штыками, останавливали все частные автомобили, высаживали из них седоков и направляли машины к Зимнему дворцу. На них глядела большая толпа. Никто не знал, за кого эти солдаты – за Временное правительство или за Военно-революционный комитет. У Казанского собора происходило то же самое. Машины отправлялись оттуда вверх по Невскому. Вдруг появилось пять-шесть матросов, вооруженных винтовками. Вздвигаясь, они вступили в разговор с двумя солдатами. На их матросских бескозырках были надписи «Аврора» и «Заря свободы» – названия самых известных большевистских крейсеров Балтийского флота. «Кронштадт идет!» – сказал один из матросов... Эти слова значили то же самое, что значили в Париже 1792 г. слова «Марсельцы идут!». Ибо в Кронштадте было двадцать пять тысяч матросов, и все они были убежденные большевики, готовые идти на смерть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.